Иное решение

Автор:
Андрей Семенов

Иное решение

Андрей Семенов

Секретный фарватер (Вече)

Родина ждет от своих сыновей подвига, даже если те не готовы его совершить.

Когда Коля Осипов, простой парень из российской глубинки, задумал связать свою жизнь с армией, он и представить не мог, что придется служить в военной разведке и работать на территории сопредельных стран. Вторая мировая война породила немало удивительных коллизий международной дипломатии. Тайные переговоры фашистов с Великобританией и Америкой об открытии второго фронта против СССР, попытка заключения сепаратного мира между Советской Россией и гитлеровской Германией в разгар войны, создание немцами государства Израиль в пику оккупировавшим Палестину англичанам – история могла пойти по иному руслу в роковые сороковые, прими главы воюющих держав иное решение.

Так советский разведчик лейтенант Осипов и его коллега из другого окопа оберст-лейтенант фон Гетц оказались на острие политической борьбы и, сами того не ведая, осуществили вмешательство в Мировую Историю.

Андрей Семенов

Иное решение

Другу моему, Брату и Учителю Войнову Николаю Николаевичу в благодарность за все доброе с пожеланием многих лет

© Семенов А.В., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

«При всех тонкостях цивилизации основное в жизни решается просто: дубиной по голове. Дело лишь в количестве голов и в качестве дубины».

Из дневника Л.И. Тимофеева

I

За пределами Садового кольца, даже за Кольцевой, километрах в пятистах от Кремля начинается Мордовия. Лежит она в пределах двух рек: Мокши на западе и Суры на востоке. Если посмотреть на карту Мордовии, то она напомнит своими очертаниями собачку-болонку, – можно разглядеть лапки, ушки, хвостик. Мордочка смотрит на восток. Населяют этот край мордва-мокша и мордва-эрзя. Есть еще шокшане, но тех совсем мало, человек триста-четыреста.

Мордва – народ незлобивый и работящий, не дурак выпить и закусить, но упорный в своем труде. Если мордвин чего захочет – непременно добьется. Из

коленки выломает. Когда человека не хотят обозвать ослом, но желают подчеркнуть его тупое упорство, говорят: упрямый, как мордвин.

Некогда, еще до основания Москвы, Мордовское княжество простиралось на многие сотни километров, начиналось южнее Пензы и обрывалось севернее Нижнего. Местные краеведы с гордостью рассказывают, что даже хан Батый не смог покорить свободолюбивую мордву. Злые языки, правда, уточняют, что Батый ту мордву попросту не заметил, так как его конница нипочем не желала переть в густые лесные дебри, в которых засела мордва. Так это или нет, но Батый на Русь действительно шел по мордовской земле. А что наши предки не встали грудью на защиту земли Русской, то сила солому ломит. Мордва настолько свободолюбива, насколько и не воинственна. Деревня на деревню подраться – это одно дело, а выходить во чисто поле против Батыевых нукеров – извините-подвиньтесь. А, кроме того, Мордовия в состав государства Российского вошла двести лет спустя после нашествия Батыя, уже при Иване Третьем. Предки наши, наверное, горько пожалели, что пошли под руку Москвы, в войсках Степана Разина и Емельяна Пугачева было полно мордвы. Пугачеву так понравилось гостить у мордвы, что он целый месяц пировал в Саранске. Дом, в котором он гулял, уже снесли, а вот кирпичный лабаз, из которого на стол таскали окорока и брагу, сохранился. Он до сих пор стоит на низах Саранска и называется «Пугачевская палатка».

В память о той грандиозной пьянке благодарные потомки воздвигли Емельяну Ивановичу памятник, единственный в мире, из гранитной крошки. Четырехметровый Пугачев в наши дни стоит на Посопской горе и пристально смотрит на запад. Дескать, «ужо вам…».

Самый знаменитый мордвин и ныне и присно – патриарх Никон. Тот самый, от которого пошел церковный раскол. Даже если земля мордовская не дала бы миру великих философов, замечательных офтальмологов, самобытных художников и скульпторов, олимпийских чемпионов и чемпионов мира, даже если бы ни один мордвин больше не прославился после него за пределами Мордовии, то и одного Никона хватит, чтобы навечно вписать мордовский народ в славные страницы российской истории. От Бреста до Владивостока и даже за рубежом православные тремя перстами крестятся во имя Отца, Сына и Духа Святого. Как Никон поставил.

Километрах в шестидесяти от Саранска находится село Старое Шайгово. Ни реки великой, ни даже железной дороги рядом нет. Лежит себе под холмом

большое село, примечательное только тем, что оно – райцентр.

И русские здесь живут, и мордва, и Колька Осипов тоже здесь живет. Он родился здесь, окончил школу-семилетку и пошел работать пастухом в родной колхоз. Не то чтобы другой работы в колхозе не нашлось, иди, пожалуйста, в бригаду полеводов или скотником на ферму. Мало ли, где нужны здоровые мужики. Просто привык уже Колька к кнуту и коровам. Родители у него умерли рано, Кольке и одиннадцати не было. Взяла его к себе бабка. Но она была старенькая, к работе не способная, а пенсий в те годы колхозникам не платили. Так и жили – хоть побирайся. Стукнуло Кольке двенадцать лет, и пришел он к председателю колхоза наниматься на работу. Хорошо, что председатель был мужик не злой, вошел в Колькино положение, понял, что пацану с бабкой есть нечего, и взял на работу. Но мальца на трактор не посадишь, и мешки с зерном ему таскать еще не под силу. Так и стал Колька пастухом.

А что? Работа как работа. У нас любой труд в почете. Не знаю, как вам, а Кольке нравилось. Так он и жил с тех пор. Осень и зиму дома на печке валялся да в школу бегал, а с апреля и по самый октябрь скотину пас.

Напарника тоже звали Николаем, вернее, дядей Колей. Дяде Коле было уже за шестьдесят. На селе шутили: «Два Николая – старый да малый». Питались по домам. Пастуха накормить – святое дело. Личные коровы паслись вместе с колхозными, вот хозяева в качестве платы по очереди и кормили пастухов.

Пацан по-честному делился с бабкой продуктами. Считай, кормилец. Колькой одним и жила бабка да тем, что соседи от жалости принесут. Только два года назад не стало и бабки. Остался Колька круглым сиротой на всем белом свете, а ему тогда шестнадцать только исполнилось.

С паспортом, правда, заминка вышла. Хоть он и был ему положен, но никто ему его не выдал. Колька даже в паспортный стол не ходил. Не всем тогда выдавали паспорта. На их улице, например, ни у кого паспортов не было, и на соседней тоже.

Так и продолжал он жить своей немудрящей жизнью. Зимой на печи валялся или нанимался кому-нибудь дров заготовить, а летом с дядей Колей стадо пас. Денег за такую работу платили с гулькин нос. В конце осени счетовод, бывало, пощелкает костяшками счетов, прибросит, сколько коровы нагуляли веса да

сколько молока дали, и выдаст немного денег. Особо не разгуляешься, но до весны протянуть можно, а там как бог даст.

Крепко задружился Колька с дядей Колей. Да и то сказать, шесть лет, почитай, вместе. Только спать расходились по разным избам, каждый в свою. Каких только разговоров не переговорили. Спустят стадо с косогора на колхозный луг, расстелют к обеду холстинку, дядя Коля хлебнет самогону, и Колька начинает:

– Дядь Коль, ты с японцами воевал? Расскажи, а?

И дядя Коля начинал. Конечно, привирал немного, говоря, как он по шесть япошек на одну пику насаживал, но если не приврать, то хорошего рассказа не получится. А рассказать дяде Коле было что. Жизнь повертела этим мужиком, как дурак коровьим хвостом. Довелось дяде Коле воевать и в Порт-Артуре, и под Мукденом. Закидать японцев шапками не получилось. Русская армия была разбита. Тогда ему еще повезло, не убили, даже не ранили. Демобилизовался он в чине унтер-офицера, был награжден Георгиевским крестом.

В деревню бравый воин возвращаться не захотел, устроился в Рузаевке, в депо слесарем, благо руки на месте. Собирался жениться на рузаевской девчонке, но тут революция 1905 года подоспела. Начались стачки, забастовки, работы не стало. Чем будущую семью кормить? Дядя Коля подался на заработки в Москву, но и там жилось не лучше: баррикады, стрельба, бардак. Вот и вернулся он обратно в Рузаевку.

Постепенно все улеглось, и с работой снова наладилось. Дядя Коля женился, стал жить своим домом. Прожили они с женой несколько спокойных лет, когда кто-то из деповских попросил сверток какой-то сохранить, пока сам в деревню съездит. Почему не сохранить, если товарищ просит? Николай взял, даже разворачивать не стал. А вдруг там деньги? Неспроста же человек на городской квартире остерегся хранить.

Взять-то он взял, только через два дня пришла к нему полиция с обыском. Да не одна, из самого Саранска приехали чины из охранного отделения, не поленились. В свертке том оказалась литература. Про правительство и царя что-то не то написано. В результате дядя Коля пошел под суд. Хорошо еще, что не в каторжные работы, а только в ссылку угодил. Пришлось дяде Коле два года пожить в холодных краях. Уже и срок ссылки подходил к концу, уже и жене

отписал, встречай, мол, а тут, как на грех, началась война с германцем.

Вспомнили тогда об отставном унтере, и поехал дядя Коля в телячьем вагоне на германский фронт. А потом – бац! бац! За один год сразу две революции. Не успели привыкнуть к Керенскому, как опять к новой власти прилаживаться надо. Фронт рухнул, но командир полка сумел удержать своих солдат от дезертирства. Сначала воевали они за Юденича, потом за Деникина. А какая разница за кого, если кругом свои. Красные – свои, и белые – свои. Все говорят по-русски. Никто из Германии в запломбированном вагоне не приехал. Все здешние.

Но за Врангеля дядя Коля воевать не стал. Как погнали красные Деникина, плюнул он на тех и на других и подался обратно в Рузаевку, к семье. И то сказать – больше шести лет дома не был. Ни жены, ни семьи в Рузаевке дядя Коля, конечно, не нашел, и никто не мог сказать, где они. А в скором времени новые власти дознались, за кого дядя Коля воевал, и отправился он лес валить. А ведь ему тогда под пятьдесят было, не мальчик уже. Да ладно. Спасибо, что не расстреляли.

Освободили дядю Колю уже после смерти Ленина. Ехать ему было некуда, никто нигде его не ждал, ни кола ни двора на всем белом свете. Подался он в родное село. Там вся родня осталась. Встретили его хорошо. Брат взял жить к себе. Дети у него выросли, переженились, повыходили замуж. Просторный дом, который рубили на большую семью, опустел, вот и нашлось там место для дяди Коли. Есть крыша над головой, чтобы встретить старость.

Но жизнь выкинула новый фортель! В тридцатом раскулачили брата и отправили в Казахстан. Сказали, что он эксплуатирует братнин труд. Кулак, в общем. Напрасно дядя Коля доказывал, что никто его не эксплуатирует, его и слушать не стали. Позже мелькнула у него догадка, что не в эксплуатации дело было. Может, кому-то из начальства глянулся добротный дом, а может, кто старые счеты сводил. Но дядю Колю из того дома «попросили» и дали ему избенку поплоше.

II

В то легендарное время, о котором идет наш рассказ, на одной шестой части суши существовала могучая Сила, которая сама себя называла Руководящей и Направляющей. Сила эта была вездесущей и всепроникающей. Она поднималась на горные вершины с альпинистами и погружалась в морские глубины на подводной лодке; она мчалась на паровозах, летела на самолетах, плыла на кораблях, а то и просто сидела в кабинетах. Там, где три человека объединялись общим занятием, допустим работой, учебой или просто выпивкой, немедленно возникала и она, эта Сила. Ее влияние не ограничивалось какой-то одной территорией, пусть и огромной. Своими руками эта Сила душила в объятьях весь мир. Даже в далекой Мексике она свела счеты с особо охраняемым Троцким, дотянувшись ледорубом до его головы. Зато люди, бывшие частью этой Силы, могли с угрозой в голосе говорить: «Учтите, у нас длинные руки!» Называлась эта Сила Всесоюзной коммунистической партией (большевиков). Справедливости ради надо сказать, что изводила она не только врагов, но и своих. Вернее, не столько врагов, сколько своих, предварительно объявив их врагами.

Представители Силы на местах назывались секретарями партийных организаций. Ленинские слова о том, что государством может управлять всякая кухарка, некогда были поняты слишком буквально, и к государственному управлению привлекли огромное количество этих самых кухарок и чернорабочих. В скором времени, правда, выяснилось, что управление не только целым государством, но и отдельно взятым городом или районом требует специальных навыков и знаний. Тогда вспомнили другие слова Ильича, а именно: «учиться, учиться и учиться», и всю эту ораву направили в различные учебные заведения, вроде Института красной профессуры. Понятно, что получать высшее образование, не имея даже начального, было не совсем сподручно, и толк из такого обучения выходил совсем небольшой, но другими кадрами Сила не располагала. И то верно, большинство студентов было куда более привычно к нагану и шашке, нежели к работе с учебниками в библиотечной тиши. Содержание и смысл учебников тоже понимали не все.

Для обучения совсем темных партийных руководителей были организованы средние и высшие партийные школы, и даже Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). В этих школах они основательно штудировали марксистско-ленинскую диалектику, которая учила экспроприировать экспроприаторов, и исторические решения очередного съезда партии, тоже исторического. А живым воплощением этой самой Силы в Старошайговском районе был первый секретарь райкома ВКП(б) товарищ Анашкин Евгений Борисович. Вполне благозвучная мордовская фамилия не принесла бы своему носителю ни большой славы, ни горя, если бы не полное отсутствие чувства юмора у самого товарища Анашкина

и у его родителя – Бориса Евгеньевича, который не нашел ничего лучше, чем назвать сына в честь деда – Евгением. Дверь рабочего кабинета первого секретаря райкома украшала табличка: «Первый секретарь тов. Е.Б. Анашкин».

В районе за глаза его так и звали, как на табличке написано, только слитно. И не только в районе. Между тем Евгений Борисович не был дурнее других, а может, даже и умней, ибо умел держать нос по ветру. Его партийная карьера началась в далеком восемнадцатом году, когда молодого паренька, даже еще не члена партии, назначили уполномоченным по заготовке дров для замерзающего Петрограда. Наверное, Женя Анашкин неплохо заготавливал дрова для Колыбели Революции, если спустя год отстроил себе избу-пятистенку в центре села. Партия заметила молодого инициативного активиста и в двадцатом году назначила его секретарем укома комсомола. На этой должности Женя боролся с неграмотностью и сплачивал молодежь вокруг светлых идеалов Революции. Должно быть, он обладал нездоровым чувством коллективизма, поэтому так продуктивно агитировал деревенских девок, что обрюхатил двоих из них. Чтобы не ломать карьеру, на одной из них ему пришлось в срочном порядке жениться, беременность же другой объяснили происками международной контры.

После смерти Ленина в партию временно был открыт вход для всех желающих, и Женя Анашкин не стал упускать свой шанс. Вступление в ВКП(б) в 1924 году не только открыло ему дорогу наверх, но и позволило впоследствии гордо говорить про себя: «Я – коммунист Ленинского призыва!» Молодого коммуниста в скором времени отправили на учебу в партшколу, определив его дальнейшую судьбу профессионального руководителя.

К тридцатому году Евгений Борисович весьма своевременно вернулся в родное Шайгово, так как вскоре началась коллективизация. Анашкин был одним из тех, кому партия поручила организовывать первые колхозы, наделив при этом самыми широкими полномочиями. Полгода Евгений Борисович в кожаной тужурке с маузером на боку мотался на тачанке по району, выявляя контру и объединяя босоту, и многого ему удалось достичь, пока в «Правде» не появилась статья Сталина «Головокружение от успехов», притормозившая творимые безобразия. Однако к этому времени колхозы были организованы везде, где только возможно, а кулаки и кулацкие хозяйства – экспроприированы. Плевать, что через год две трети созданных Анашкиным колхозов распустили. Зато прибавилось живности на его подворье, а в доме дяди-Колиного брата поселился брат жены Евгения Борисовича. Шурин то есть. И вновь партия оценила личные заслуги товарища Анашкина, назначив его сначала вторым, а

затем, в скором времени, и первым секретарем Старошайговского райкома ВКП(б).

Вот на этого партийного деятеля государственного масштаба Колька чуть было не совершил покушение. И не когда-нибудь, а Первого мая. В те времена за любую мелочь отправляли туда, куда макар телят не гонял. А тут – вот выбрал время! – можно было усмотреть и политический момент, представить покушение как точно рассчитанный удар в спину Революции.

III

«Такова система, суть которой в том, чтобы сажать на все ответственные места, посты не просто безграмотных людей, но еще и обязательно дураков».

Из дневника Л.И. Тимофеева

«Первое мая 1936 г. весь международный пролетариат встречает в условиях, когда военная опасность непосредственно угрожает человечеству. Мало того что японский милитаризм насильственно захватил огромные территории Китая. Мало того что итальянский фашизм терзает тело абиссинского народа. Крайнее напряжение военной опасности в Европе создается выступлением германского милитаризма, который, надев на себя маску мирного реконструктора, пытается – и не без успеха – создать крупнейшее милитарное государство, непосредственно подчинив себе всю среднюю Европу, в том числе Австрию, а также Чехословакию, чтобы обрушиться всей тяжестью военной техники на ненавистный социалистический Восток и на смертельного врага – Францию».

«Известия», 1 мая 1936 г. Передовая статья

Из репродукторов над селом лилась радостная музыка. Народ с красными бантами и ленточками на груди с утра стягивался на площадь перед райкомом на праздничный митинг. Выходили степенно, семейно, с женами и детьми, чинно здоровались со знакомыми, обменивались новостями и сплетнями. Все были

нарядно одеты, как на Пасху. В каждом доме было готово угощение, чтоб после митинга можно было сесть и отметить выходной день и чтоб перед гостями не было стыдно. Перед райкомом накануне сколотили и обили кумачом трибуну, на которой грудилось районное начальство. Ждали первого секретаря, товарища Анашкина, который должен говорить первомайскую праздничную речь. Мужики смолили самосад, бабы разглядывали, кто во что одет, и удовлетворенно отмечали, что «и мы не хуже людей».

На пастухов праздник не распространялся. Попробуй, объясни скотине, что сегодня – выходной. Она тебе голодным ревом весь праздник поломает. Скотина, она скотина и есть. Ей плевать на политический момент, ей жрать подавай.

Поэтому Колька с дядей Колей, как обычно, еще до зари выгнали стадо и бродили с ним по окрестностям до самого заката. Но звуки музыки ветер доносил и до них.

– Ну что, Колян, отметим праздник? – дядя Коля погладил котомку, в которой лежала бутылка.

– Не, дядя Коля, давай позднее, когда освободимся.

В селе пастухи привычно разошлись в разные стороны, разводя стадо. Дядя Коля пообещал зайти вечером.

Колька погнал коров по центральной улице, где их уже поджидали хозяйки. Его обогнала эмка и остановилась возле райкома. Это неутомимый Анашкин после митинга смотался в Саранск, чтобы потереться около большого начальства, и теперь вернулся обратно. Настроение у него было отвратительное. Хоть и не с пустыми руками приехал он в Саранск, хоть и вырядился в новый габардиновый костюм и новые, только что из коробки, ботинки, хоть и вилял хвостом перед вышестоящими товарищами как верный пес, но за один стол с руководством республики никто его не пригласил. А ведь еще недавно, в прошлые октябрьские праздники, был он на этих застольях и, желая привлечь внимание высокого начальства, громче всех горланил мордовские песни, подыгрывая себе на гармони. И «Умарину», и «Кавто терат», и «Луганяса келуня» – все пел. А сегодня – не угоден стал. Плохой знак. Значит, жди неприятностей.

Евгений Борисович, погруженный в свои невеселые размышления, в задумчивости вылез из машины, и вдруг кто-то больно, наотмашь, стеганул его по боку. Вскрикнув от внезапной боли, Евгений Борисович развернулся, чтобы разглядеть наглеца, и увидел, что эмку справа и слева обходит стадо коров, одна из которых, пройдя совсем близко от него, отгоняя слепня, хлестнула его хвостом. Разворачиваясь, он ступил новым ботинком в самую гущу жирной коровьей лепешки. Желая стряхнуть с ботинка теплую зеленую жижу, секретарь райкома потерял равновесие и опрокинулся на землю, унавоженную проходящим стадом. Округу огласил густой и сочный анашкинский мат:

– Ах ты! Мать твою перемать! Да я тебя!.. Да ты у меня!..

Евгений Борисович, озаренный внезапно посетившей его идеей, нацелил указательный палец Кольке в грудь и забормотал:

– Сейчас, сейчас! Ты погоди, ты не уходи, ты постой тут. Я мигом… Мне тут нужно… Я сейчас… Я быстро!

Продолжая бормотать себе под нос, Анашкин опрометью бросился в здание райкома, стрелой взлетел на второй этаж, ворвался в свой кабинет и стал судорожно крутить ручку телефонного аппарата. Благосклонность начальства можно было вернуть только чем-то из ряда вон выходящим. Например, разоблачением контрреволюционной банды или поимкой шпиона или диверсанта. А этот олух с кнутом как раз мог подойти на эту роль.

– Але! Але! Девушка, дайте Саранск. Але! Саранск?! Соедините меня с УНКВД! С кем? С управлением НКВД, я говорю! Вот дуреха…

В трубке щелкнуло.

– Дежурный, лейтенант Лемзеркин, слушаю вас.

– Але! Товарищ лейтенант, говорит первый секретарь Старошайговского районного комитета ВКП(б) Анашкин! Только что на меня было совершено покушение наймитами мирового капитала! Я весь в крови! Мне больно! Я умираю!

– Сколько их было? – вежливо и равнодушно поинтересовался голос в трубке.

– Не знаю. Я не бухгалтер, не считал. Я чудом остался жив!

– Выезжаем, – спокойно отозвался лейтенант и прервал разговор. Пошли гудки.

Анашкин выглянул в окно. На улице никого не было. Напротив райкома стояла его эмка. Вокруг нее прели коровьи лепешки. Мирно оседала пыль, поднятая недавно прошедшим стадом.

Вечером, когда стемнело, к Кольке ввалился дядя Коля. Вид у него был взволнованный.

– Давай-ка, Коля, у меня пока посидим, самогоночки выпьем.

К своей избе дядя Коля повел Кольку задами, по огородам, и, как оказалось, не зря. По улице, увязая в пыли, протарахтела энкавэдэшная эмка с потушенными фарами, на подножке которой бестолково суетился и размахивал руками неугомонный Анашкин. Должно быть, он и впрямь вошел в образ разоблачителя заговоров и ловца диверсантов.

– Ну и заварил ты, Коля, кашу. Чего натворил-то хоть? – начал старик допрос по дороге.

– Ничего я не творил. А что случилось?

– «Чего случилось?» – передразнил дядя Коля. – Из самого Саранска энкавэдэшники приехали. Тебя, дурака, ищут. Ты теперь, Коля, государственный преступник.

Друзья пришли в избу. Дядя Коля достал четверть самогона. Выпили по первой, и Кольке захорошело.

– Ты чего натворил-то? – продолжал допытываться дядя Коля. – Говорят, будто ты чуть самого Анашкина не убил.

– Я?! – Колька поперхнулся куриным яйцом. – На кой ляд он мне?

– На той! Говорят, будто ты на него корову, как собаку, натравил. Она его чуть в клочья не порвала.

Колька в ответ рассказал дяде Коле про то, как он гнал стадо через село, как Анашкин вышел из машины, как корова – вот дура! – стеганула его хвостом, как тот упал рожей в навоз, как матерился. Только он никакую корову ни на кого не натравливал.

Дядя Коля хохотал в голос, особенно когда слушал, как Анашкин в коровье дерьмо вляпался. Четверть пустела, а Кольке было совсем не весело.

– Что ж теперь делать-то, дядя Коля, а? – грустно и растерянно спросил Колька своего старшего и мудрого товарища.

– Не дрейфь, Колян. Держи.

Дядя Коля положил перед Колькой серый бумажный квадратик с грязными типографскими буквами на нем. Колька взял бумажку и стал читать:

– «Гражданин Осипов Николай Васильевич… На основании… Вы призываетесь на действительную военную службу… Надлежит явиться… При себе иметь…» Так это повестка!

– Правильно, – кивнул дядя Коля. – Повестка. Уж чем в тюрьму – лучше в армию. Давеча встретил почтальонку, просила соседям передать. У них сына должны призвать.

– Так он Васильевич, а я – Федорович!

– Какая разница? – махнул рукой дядя Коля. – Ты Осипов – и он Осипов. Ты Николай – и он Николай. А что до отчества – скажешь, машинистка опечаталась. Никто и проверять не станет. В строю отчеств нет. Одни фамилии и звания.

Колька отложил повестку. Дядя Коля разлил еще по одной.

– Послушай, – дядя Коля не донес до рта стакан с самогоном, – может, тебе и в самом деле лучше в тюрьму?

– Да ты что?! – Колька на всякий случай положил повестку в карман. – В армию – так в армию!

– А-а. Ну-ну, – успокоился дядя Коля и спокойно выпил.

Назавтра Колька был на сборном пункте в Саранске, а через четыре дня попал в Н-ский стрелковый полк, дислоцирующийся в Заволжье.

IV

На столе начальника строевой части полка капитана Калинина лежали стопки личных дел красноармейцев. Отдельно белел листок с предписанием:

«Командиру Н-ского стрелкового полка.

Настоящим предлагаю Вам до 1 июля с. г. откомандировать трех красноармейцев для поступления в Полтавское командное училище связи, снабдить их денежным и вещевым довольствием по установленной норме, а также сухим пайком на пять дней.

Начальник Управления кадров округа полковник ***ов».

Жара стояла такая, что чернила сохли в чернильнице. Капитану хотелось убежать на речку, сбросить ремни и гимнастерку, махануть с разбегу в воду и нырнуть как можно глубже, туда, где вода совсем холодная. Вместо этого ему приходилось торчать в душном штабном кабинете и заниматься текучкой.

За окном пеклом жгло заволжскую степь. Молодое пополнение на занятии по тактической подготовке с криком «Ура!» шло в атаку на предполагаемого противника.

Капитан бросил скучный взгляд на стопки с делами и принялся за работу. За недолгое время своей штабной карьеры он уже привык к методичности и организованности, таким необходимым в рутинной и неблагодарной штабной работе, поэтому сразу упростил себе задачу, рассуждая следующим образом:

«Кого попало не пошлешь. Малограмотный красноармеец даже мандатную комиссию не пройдет. Следовательно, боец должен хотя бы среднюю школу закончить. Женатые считают дни до дома. В училище их на аркане не затянешь. Посылать разгильдяев – только полк позорить. Значит, кандидаты должны быть неженатыми, окончившими до армии среднюю школу, пусть не полную, и не быть явными раздолбаями.

В полку больше тысячи красноармейцев. Листать личное дело каждого – до осени не разберешься. Откидываем старослужащих – им скоро домой, в училище они не поедут. Пятьсот человек долой. Уже результат. Откидываем тех, у кого образование меньше семи классов. Еще человек пятьсот. Итого остается сотни три бойцов. Один счастливчик из сотни. На два часа работы».

Похвалив себя за сообразительность и умение организовать работу, капитан решительно сел за стол и стал довольно споро перебирать папки, заглядывая только на внутреннюю сторону обложки, туда, где были изложены анкетные данные. При этом он комментировал каждую папку.

«Столяров Иван Никифорович, 1916 г. р., русский, семейное положение – холост, образование – четыре класса». В сторону. «Алукаев Шамиль Шавкетович, 1915 г. р., татарин, семейное положение – холост, образование – семь классов». Вроде подходит. Однако – татарин. Черт нерусский. Интернационализм интернационализмом, но зачем инородцев-то в командный состав пускать? Пока в сторону. «Гольдберг Марк Моисеевич, 1917 г. р., русский, семейное положение – холост, образование – десять классов и один курс факультета иностранных языков». Ага! Русский! Гольдберг – русский! Во дает Марк Моисеевич. Ну, русский так русский. Назвался груздем, полезай в кузов. Ты у нас и неженатый, и образованный не в меру. Придется тебе, Марк Моисеевич, русак ты этакий, послужить Родине чуть дольше, чем ты, возможно, рассчитывал. Годится. «Осипов Николай Федорович, 1918 г. р., мордвин, семейное положение – холост, образование – семь классов». Ого! Мордвин. Что за национальность такая и здоровая ли у него морда?

Из-за капитанского любопытства эта папка была отложена в одну стопку с личным делом Гольдберга.

Потрудившись часа полтора, капитан перебрал все личные дела, бывшие у него на столе. Из почти трехсот кандидатов необходимое семилетнее образование имели меньше половины. Из «образованных» около трети были женаты. Достойных оказалось человек семьдесят. Но какой командир роты обрадуется, если у него отберут хорошего, грамотного и дисциплинированного бойца?! Велика Россия, могуча Страна Советов, а грамотные люди горой не навалены. И две большие разницы: урюк из Средней Азии, который с гор спустился, а зачем – не помнит, или красноармеец, не просто умеющий самостоятельно расписаться, но и обладающий кругозором больше сортирного очка. Такие бойцы становились первыми помощниками командиров, ротные охотно выдвигали их на сержантские должности. Капитан не первый день служил в армии и понимал, что никто его не поблагодарит, тронь он кого-либо из «образованных и неженатых». Служба службой, а в офицерской столовой с ротными командирами он каждый день встречается. Ну как ненароком киселем обольют от досады?

И для поездки в Полтаву были отобраны красноармеец Гольдберг как самый русский в полку, красноармеец Осипов как мордвин неизвестной национальности и красноармеец Алукаев. Этот пошел до кучи.

Калинин вызвал дневального по штабу и приказал:

– Красноармейцев Гольдберга из второй роты, Алукаева из четвертой, Осипова из молодого пополнения через сорок минут ко мне.

Дневальный козырнул и побежал выполнять приказание, а Калинин сел заполнять необходимые формуляры.

Не знаю, как Гольдберг и Алукаев, а Колька очень даже обрадовался такому повороту событий. Он готов был хоть в училище, хоть к черту на рога, лишь бы не возвращаться больше в свою родную деревню. Желательно никогда.

На следующий день рядовой Осипов вместе с двумя красноармейцами из его части убыл для поступления в училище связи. На экзаменах спрашивали не строго, особенно военнослужащих срочной службы. К своему удивлению, Колька прошел все экзамены и поступил. За его спиной закрылись железные ворота с

большими красными звездами, и КПП отделил его от большого мира.

А пока курсант Осипов грызет гранит науки и постигает секреты воинского мастерства, давайте оставим его в покое на некоторое время и посмотрим, что же происходило в этот период за пределами командного училища, в большом мире.

V

И Сталин, и Гитлер в разное время сидели в тюрьме. Поэтому позволю себе образно представить политическую обстановку, которая сложилась в мире к тридцатым годам прошлого века.

С точки зрения уголовника весь мир, всю землю можно представить себе как один большой барак с заколоченными дверями, в котором бессрочно находятся – сколько стран у нас в мире? – допустим, двести человек. Каждый из них символизирует собой одну страну. Понятно, что страны, как и люди, не равны. Поэтому все запертые в бараке личности разнятся между собой по росту, уму и физической силе. Выйти из барака они не могут, не в космос же отправляться, поэтому вынуждены сосуществовать друг с другом. И вот человек шесть самых умных, волевых, здоровых и наглых уголовников берут кусок мела и делят барак напополам. Примерно так и происходит в преступном сообществе. Остальным они объясняют, что половина барака – это их территория, сфера их жизненных интересов. Если кто-то решится перейти начерченную линию, то рискует нарваться на финку или кастет, так как это движение будет расценено как вторжение и угроза мирному сосуществованию. На отвоеванной для себя половине эта шестерка ставит огромный стол, на котором беспрерывно пирует, вылавливая из общей баланды все мясо и отнимая у остальных их пайку.

Еще одну шестую часть барака занимает странный, нелюдимый, угрюмый, непредсказуемый в своем поведении уголовник, у которого тоже есть финка. Он не просто отчерчивает свою территорию мелом – он отгораживается колючей проволокой, кирпичной стеной, железным занавесом, действуя по принципу: ни я ни к кому, ни ко мне никто.

Что же остается остальным? Остальные сто девяносто три человека вынуждены размещаться в духоте и тесноте на одной трети барака, с завистью и страхом поглядывая в сторону более расторопных и дерзких соседей! Ведь у них же нет ни кастета, ни финки, ни силы, ни наглости.

И вот однажды некий паренек, поглядывая на свои довольно крепкие кулаки, начинает сомневаться в справедливости такого уклада жизни. Он смотрит на ту половину барака, на которой идет пир, и понимает, что и для него там должно быть отведено место. В крайнем случае, можно кого-нибудь попросить из-за стола. Но один безоружный и голодный не сдюжит против шестерых вооруженных и сытых. Нужны надежные товарищи. Тогда он находит себе двоих верных друзей, у которых кулаки не меньше. Они тайком изготавливают заточки, и вот теперь для них появляется вполне реальный шанс прорваться на праздник жизни, отхватить свой кусок мяса и отвоевать для себя большую жилплощадь.

В политике, как и в уголовном мире или как у насекомых, существует только одно право – право сильного. Слабый интересен лишь теми вещами, которые у него можно отобрать.

Думаю, нет необходимости объяснять, что имя «паренька» – народившийся Третий рейх, а его товарищи – суть Италия и Япония. Кто такие шестеро наглецов – тоже, полагаю, объяснять не нужно. Они остались и сегодня, все такие же наглые. И «барак» поделен приблизительно так же, только «странного» соседа сильно потеснили, оставив ему вместо одной шестой одну двенадцатую часть «барака». Надолго ли? Впрочем, сосед от этого не стал менее странным и более предсказуемым.

В чем секрет стремительного возвышения Германии? Как Гитлеру удалось за несколько лет превратить затравленное и разложившееся государство в европейскую супердержаву?!

К моменту прихода Гитлера к власти в 1933 году положение Германии можно было определить как критическое. Страна летела в пропасть. Великий мировой экономический кризис 1929–1933 годов не обошел Германию стороной. Треть взрослого трудоспособного населения была без работы.

С приходом к власти нацисты энергично взялись за дело. «Работу, работу, еще раз – работу» – таков был основной лозунг в начале гитлеровского правления. Вопреки распространенному мнению, строительство грандиозных автобанов было только одним, но не самым главным источником новых рабочих мест. Максимальное число людей, занятых на строительстве автобанов, не превышало 650 тысяч из более чем шестимиллионной армии безработных.

Уже в апреле 1933 года Гитлер издает ряд законов, направленных на сокращение безработицы. Например, одним из законов ограничивалась механизация производства. Всего к концу 1933 года нацистам удалось сократить уровень безработицы в Германии на треть – до четырех миллионов человек. К 1937 году безработица была практически ликвидирована.

В 1934 году, назначая Ялмара Шахта на должность председателя Рейхсбанка, Гитлер поставил перед ним две взаимоисключающие задачи: найти деньги на вооружение Германии и не допустить при этом инфляции. У нас в России подобную задачу правительство решило бы просто: включило станок и напечатало бы потребное количество «резаной бумаги» – казначейских билетов различного номинала. Но это привело бы и неизбежно приводит поныне к росту инфляции. Финансовый гений – Шахт – разработал и предложил Гитлеру схему, которая позволила в короткий срок «из ничего» извлечь более двенадцати миллиардов золотых марок. И никакой инфляции в стране не возникло, а деньги были направлены на разработку и производство новых самолетов, танков, пушек и боевых кораблей. К 1936 году перевооружение вермахта шло полным ходом, а количество военнослужащих всех родов войск стало расти. Гитлер ввел войска в демилитаризованную Рейнскую область.

Но, видно, глупость человеческая не имеет границ и национальности. На всякого мудреца довольно простоты, как бы высоко по служебной лестнице он ни поднимался. Иногда в голове премьер-министра преет такая же мякина, как и в голове самого младшего клерка. Еще в 1925 году Гитлер опубликовал свою книгу «Mein Kampf», в которой ясно и честно изложил цели, намеченные национал-социалистами, и средства их достижения. Все свои разбойничьи планы Адольф Гитлер обнародовал на весь мир еще за восемь лет до прихода к власти! Более того, став канцлером Германии, он честно и последовательно стал претворять в жизнь все те положения, которые изложил в «Mein Kampf».

Гитлер не просто не скрывал своих планов, в своих дальнейших речах и отдельных высказываниях он указывал направление и последовательность

каждого своего действия. Это упреждающее саморазоблачение говорит не только о том, что все достигнутое нацистами не было простой случайностью или цепочкой совпадений. Это говорит о человеческой глупости вообще и чиновничьей в частности. Это говорит о неспособности людей замечать вещи, которые творятся у них прямо перед глазами.

Государственные деятели в Париже и Лондоне, да и не только там, представить себе не могли, что можно так планомерно и цинично, ни от кого не скрывая своих планов, вести дела. Им всем казалось, что при планировании и проведении внешнеполитических акций должна быть обеспечена обстановка полнейшей секретности, с тем чтобы противник не имел времени на контрподготовку. Гитлер обеспечил сохранение секретности, полностью раскрывая свои карты. На Западе его заявления расценивались не иначе как блеф, провокация или дезинформация. За что европейские лидеры и поплатились. А Гитлер просто раньше всех понял, что, для того чтобы сохранить тайну, нужно быть максимально открытым в отношении большинства фактов.

В 1936 году совместно с Муссолини он встал на сторону Франко. Республиканское правительство в Испании было свергнуто, Франко объявил себя диктатором, а Франция и Англия поимели «больной зуб» на юго-западе Европы. Теперь кроме Германии Франция должна была присматривать и за Италией, так как некоторые территориально-этнические разногласия между этими двумя странами не урегулированы до сих пор.

Помощью Франко и милитаризацией Рейнской области Гитлер обеспечил себе безопасность на западе. В Рейнской области восстанавливалась и совершенствовалась линия укреплений, а генерал Франко отвлекал на себя внимание союзников, так как никто не мог поручиться за то, что испанцы не вторгнутся в южные районы Франции.

В марте 1938 года был проведен аншлюс Австрии, которая была оккупирована немецкими войсками. В сентябре того же года, в результате Мюнхенского сговора, Гитлер вернул Германии Судетскую область, отторгнув ее от Чехословакии. В марте 1939 года Германия оккупировала оставшуюся часть Чехословакии и, таким образом, охватила южный фланг Польши. В результате всех этих действий Германия окончательно стряхнула с себя узы, которыми была опутана со времен Версаля.

28 апреля 1939 года Гитлер сказал: «Я преодолел хаос в Германии, установил порядок; производство во всех отраслях народного хозяйства необыкновенно возросло и стабильно продолжает развиваться. Мне удалось вернуть к работе семь миллионов безработных. Я объединил немецкий народ не только политически, но восстановил в военном отношении, постепенно преодолел все 448 статей того договора, который представлял собой самое подлое изнасилование, каковому подвергался какой-либо народ в истории. Я вернул отобранные у нас провинции, я вернул многим миллионам немцев их родину, восстановил территориальное единство нации. Все это мне удалось осуществить без кровопролития, не подвергая ни свой народ, ни другие народы тяготам войны. И все это сделал я – еще двадцать один год назад никому не известный рабочий и солдат из народа – собственными силами».

И это была правда.

На руку Гитлеру сыграли политические ошибки, допущенные британским правительством весной 1939 года. Дело в том, что Англия предложила свои гарантии Польше и Румынии. Это, разумеется, подействовало на Гитлера как красная тряпка на быка. Предоставление гарантий странам, фактически недосягаемым для вооруженных сил Соединенного Королевства, выглядело как явная и преднамеренная провокация. Глупость и самонадеянность английского руководства заключались в том, что к тому времени и Польша, и Румыния уже были политически изолированы Гитлером от остального мира и Англия, не имевшая общих границ с этими странами, никак не могла оказать им помощь, даже если бы и хотела. Единственной страной, на которую можно было опираться, разыгрывая польскую или румынскую карту, был СССР, который граничил с обеими странами и имел достаточно мощные вооруженные силы, чтобы заставить Гитлера считаться со своим мнением. Но надменные англичане посчитали излишним заручиться какими-либо заверениями советского руководства в румынском и польском вопросах.

Жгучая интрига стала закручиваться в Кремле весной 1939 года. Неизбежность надвигавшейся большой войны к тому времени стала очевидна не только политикам и дипломатам, но и простым гражданам. Формировались альянсы, рассматривались все варианты, способные усилить тот или иной блок и вышибить козыри из рук противников. К тому времени в общих чертах сформировались два блока: Западный, куда входили Великобритания, Франция, Голландия и готовы были примкнуть Северо-Американские Соединенные Штаты, и Центральный во главе с Германией, которую поддерживали Италия, Япония,

Австрия, Румыния, Болгария.

Позиция Советского Союза, если таковая имелась, не была озвучена прямо. То есть Советский Союз, продолжая клеймить агрессивную политику Германии, не предпринимал никаких враждебных шагов в отношении Рейха и не спешил присоединиться к Западному блоку. От позиции СССР, от того, на чью сторону он встанет, зависела география будущего театра военных действий и то, какую нагрузку и потери понесет каждое конкретное государство в этой войне.

Было понятно, что если СССР заявит о нейтралитете и останется сторонним наблюдателем той бойни, которая в скором времени должна будет развернуться в Европе, то больше всех от этой войны выиграет именно Советский Союз. Оба блока выйдут из нее сильно ослабленными и в военном, и в экономическом отношении, и тогда Сталин сможет диктовать свои условия мирового или, по крайней мере, европейского устройства.

Такие перспективы не устраивали ни Гитлера, ни британский кабинет. Поэтому с весны 1939 года в Москве эмиссары той и другой стороны развернули активную деятельность по подготовке такого пакта, который позволил бы опираться на СССР как на союзника. Необходимо было любыми средствами втянуть Советский Союз в большую войну.

Характерным является высказывание Черчилля о том, что в противоборстве Германии и России следует помогать более слабой стороне, с тем, чтобы они как можно сильнее истощили друг друга. Черчилль тогда думал, что в грядущей войне, так же как это происходило во всех европейских войнах за последние двести лет, Великобритании удастся остаться над схваткой, загребая жар чужими руками, а в самом конце, опираясь на нерастраченные силы, выступить в роли арбитра.

Сэр Уинстон ошибся. В Кремле сидел человек, который по части политической интриги мог дать сто очков форы даже такому искушенному политику, как Уинстон Спенсер Черчилль.

Слушая доклады Молотова, Сталин с интересом и удовлетворением отмечал, как представители государств, определяющих мировую политику, еще недавно не желавшие принимать Советский Союз в Лигу Наций, сейчас наперегонки лебезили и заискивали в наркоминдельских кабинетах, желая привлечь СССР на

свою сторону. Представители Германии и Великобритании пихали друг друга локтями, как студенты в театральном буфете, мешали друг другу, шпионили друг за другом. Они готовы были идти на все новые уступки в переговорах, лишь бы СССР выступил на их стороне.

Только Сталин отнюдь не спешил начать такие переговоры ни с одной из сторон. Сталин ждал. Время работало на него. Он ждал так, как терпеливо, с безразличным видом ждет настоящей ставки матерый карточный шулер. Он не принял никого из иностранных представителей лично и ориентировал Молотова на крайнюю сдержанность в беседах, которые ему, как народному комиссару иностранных дел, по службе приходилось вести с иностранными дипломатами. Никаких оценок! Никаких прогнозов! Никаких обещаний!

Такая тактика конструктивного выжидания в скором времени дала свои результаты. Не только эмиссары, но и правительства Германии и Соединенного Королевства были доведены Сталиным до паники. Гитлер в бешенстве наорал на министра иностранных дел Риббентропа, обвинил его в неумении вести дела и жестко посоветовал ему отозвать посла Германии в СССР Шуленбурга.

Можно сделать вывод о том, что, вероятно, Германия через Молотова заверила Сталина о своей готовности идти на все уступки, которые ожидала от нее советская сторона. Не просто же так в июле 1939 года английские эмиссары получили распоряжение прекратить всякие переговоры и были отозваны, а в августе между Германией и СССР было подписано соглашение, которое вошло в историю как пакт Молотова – Риббентропа и определило географию Европы на пятьдесят два года вперед.

В августе 1939 года правительства Великобритании и Франции предприняли последнюю отчаянную попытку втянуть Советский Союз в войну, которая начиналась в Европе не по нашей вине. Одиннадцатого августа в Москву прибыли английская и французская военные миссии во главе с адмиралом Драксом и генералом Думанком. На встречу с Молотовым они захватили с собой послов своих стран в СССР. Вячеслав Михайлович внимательно выслушал военных и дипломатов, которые всеми силами стремились отправить наших солдат умирать за английские интересы, компенсируя русской кровью самонадеянную глупость британского кабинета. Услышав простой и ясный вопрос «Зачем нам это надо?», послы не мычали и не телились, поэтому переговоры закончились ничем.

Черчилль, встревоженный срывом переговоров, отлично представляя себе дальнейшие перспективы, через три дня срочно полетел в Париж, якобы для консультаций с президентом Лебреном. На самом же деле он осматривал линию Мажино, чтобы лично удостовериться в крепости французской линии обороны.

Через неделю, девятнадцатого августа, между Советским Союзом и Германией было подписано торгово-кредитное соглашение, по которому Германия предоставляла СССР кредит на сумму двести миллионов марок для закупок немецких станков и оборудования.

В тот же день в советскую прессу, до того ежедневно поливавшую известно чем гитлеровский фашизм и германский милитаризм, мелким шрифтом была вброшена мысль о том, что принципиальных разногласий между СССР и Германией не имеется, в том числе и по политическому режиму. У них, мол, там тоже социализм, хоть и с приставкой «национал-», и что возможное сотрудничество столь схожих между собой государств пойдет на пользу обоим народам – немецкому и советскому. И… все. С этого дня затихла вся антигерманская истерия в советской прессе.

Двадцать третьего августа в час дня на московский аэродром совершил посадку самолет с немецкими опознавательными знаками и свастикой на хвостовом оперении. По откидному трапу на советскую землю сошел приятный во всех отношениях человек – Иоахим фон Риббентроп. В этот же день, вернее, в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое августа, был подписан документ, который настолько хорош и интересен, что рискну привести его здесь.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом

«Правительство СССР и Правительство Германии, руководимые желанием укрепления мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов межу Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключен сроком на десять лет с тем, что, поскольку ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания. Составлено в двух оригиналах на немецком и русском языках в Москве 23 августа 1939 г».

Далее подписи Молотова и Риббентропа

К договору прилагался Конфиденциальный протокол, который разграничивал сферу интересов обеих стран в Европе. Позднее он выдержал четыре редакции, которые, не затрагивая договоренностей сторон по существу, регулировали второстепенные вопросы. Так, например, позднее в сферу интересов Советского Союза отошли Львов и Вильнюс, а к Германии – Белосток.

В самой Германии факт подписания договора с Советским Союзом был воспринят неоднозначно. Ветераны партии посчитали это унижением и чуть ли не предательством целей и идеалов НСДАП, поворотом на 180 градусов в той борьбе, которую партия вела более двадцати лет. Здравомыслящая часть немецкого общества, напротив, приветствовала такое подчеркнутое сближение с СССР. Люди, способные мыслить спокойно и без истерик, рассуждали следующим образом: уж лучше союз с русскими, с которыми у нас нет никаких споров, чем с англичанами, которые желают нашей гибели, тем более что это временная мера в политических интересах. Германия наполовину большевизирована, а СССР находится на полпути к фашизму, так чего опасаться? Кроме того, «фюрер знает, что делает».

Желая примирить крайние точки зрения и объяснить причины, побудившие его заключить сделку с большевиками, Гитлер публично заявил:

«Всем известно, что Россия и Германия руководствуются различными политическими доктринами, но, ни Германия не желает экспортировать свое мировоззрение, ни в данный момент Россия. Поэтому я не вижу причины продолжать противостоять друг другу. Всем должно быть ясно, что наше противоборство с Россией может принести пользу только третьей стороне, поэтому мы и решили заключить пакт. Этот пакт обязывает стороны консультироваться по некоторым вопросам развития Европы, а также сделает возможным взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Я могу определенно сказать, что это политическое решение имеет огромное значение для будущего и является окончательным и бесповоротным».

И тут же, 9 октября 1939 года, Гитлер направил высшему военному руководству Германии секретную записку, в которой подчеркивал, что нейтралитет СССР нельзя гарантировать никакими соглашениями.

Из договора видно, что Гитлер развязал себе руки на Востоке для активных действий на Западе, причем Советский Союз после его подписания не мог встать на сторону антигитлеровской коалиции. Более того, Германия могла потребовать от Советского Союза расторжения всех торговых соглашений с Англией и ее союзниками, так как могла усмотреть в торговых отношениях «поддержку воюющей державы».

Черчилль был так раздосадован этим пактом и так обиделся на Сталина, что смог перебороть себя и встретиться с ним в Тегеране только спустя четыре года.

Интересная деталь: с советской и с германской стороны документ подписывали… два однокашника. Молотов и Риббентроп водили знакомство еще с дореволюционных времен, когда оба в одно и то же время учились в петербургской гимназии. Это обстоятельство, слабо повлиявшее на внешнюю политику обоих государств, безусловно, добавило сердечности во время встречи двух министров при подписании соглашения.

По секретному протоколу зоной жизненных интересов СССР являлись Карелия, Эстония, Латвия, Литва, Восточная Польша, в том числе Западная Белоруссия и Западная Украина, Валахия и Бессарабия. Все они менее чем через год после подписания пакта «добровольно» вошли в братскую семью советских народов. Германия получала Западную Польшу и относительное спокойствие на восточных границах Рейха.

Пакт Молотова – Риббентропа, вне всякого сомнения, – выдающееся достижение сталинской дипломатии! Со времен Тильзита, с 1807 года, Россия не заключала таких великолепных внешнеполитических сделок! Тегеранские, ялтинские и потсдамские соглашения не могут быть поставлены в один ряд с пактом и даже просто сопоставлены с ним.

А 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война.

VI

Наступили те самые золотые дни июня, когда курсанты военных училищ становились лейтенантами. Начальник училища перед строем в торжественной обстановке вручил Коле петлицы с лейтенантскими кубиками, пожелал счастливой службы и… моментально забыл о его существовании. В тот год училище выпускало больше сотни лейтенантов. Каждого поздравлять – рука отвалится.

На следующий день Коля прощался с училищем, в нагрудном кармане его гимнастерки лежало направление к новому месту службы. Парню было немного грустно, все-таки три года жизни оставались позади. После обеда лейтенант Осипов уехал поездом в северном направлении, в колыбель трех революций город Ленинград.

В провинциальном деревянном вокзале возле кассы толпилось человек сорок народу. Люди перли, нажимали, отпихивали друг друга локтями, стараясь протиснуться поближе к маленькому окошечку. Купить билеты на любое направление человеку интеллигентному было решительно невозможно.

Коля зашел в здание вокзала, и под его ногами ласково зашуршал пол, заплеванный лузгой и окурками. Глянув в сторону кассы и верно оценив обстановку, красный командир неторопливой походкой проследовал в кабинет коменданта вокзала. Через десять минут, после предъявления своих проездных документов, Коля стал счастливым обладателем билета до города на Неве.

Коля еще не привык к своему новому званию и вздрагивал при появлении патрулей, но ему все больше и больше нравилось быть командиром Красной армии. Девушки обращали на него внимание, граждане разговаривали уважительно, плюс еще масса маленьких радостей. И главное! Главное в том, что это не самоволка, даже не увольнительная. Это – сво-бо-да!!! Пусть и в отведенных уставом пределах. Впервые в жизни Колька Осипов свободно передвигался по своей стране! Эх, видели бы его в деревне! Гимнастерка, галифе, фуражка – все новое. Яловые сапоги скрипели дуэтом с портупеей. И все сидело как влитое. Еще три года назад был он сиротой-подпаском, а теперь, извольте видеть, он, Коля Осипов, – лейтенант героической Красной армии, командир, офицер. И служить ему предстояло не где-нибудь в Н-ске, в Волчехренске, а в городе Ленина. Не каждому доверят…

Своему удачному назначению Коля был обязан армейскому землячеству. Пару месяцев назад их училище инспектировал начальник штаба Киевского Особого военного округа. Шорох перед его приездом стоял такой, что майоры и полковники наравне с курсантами драили казармы и территорию, не различая званий и заслуг, ибо все знали, что начштаба округа был мужик серьезный, порядок любил железный и его мнением по многим вопросам очень интересовался сам Жуков. Во время строевого смотра проверяющий остановился напротив Кольки и стал протирать пенсне. Коля обмер от страха, что тот нашел в нем какое-нибудь нарушение устава, и громко, как положено, представился:

– Курсант второго взвода второй роты Осипов.

Комдив посмотрел на него с интересом.

– Что-то акцент у тебя, сынок, больно знакомый. Откуда призывался?

– Из Мордовии, товарищ комдив!

– Мордвин?

– Так точно!

– Как служба идет?

– Нормально, товарищ комдив!

– Ну, хорошо, курсант Осипов, служи.

И комдив, протерев пенсне, двинулся дальше.

Надо признать, что Колька по-русски говорил с небольшим акцентом. Многие люди, всю жизнь прожившие в России, говорят нечисто. Бывают акценты кавказский, татарский, узбекский, украинский. Мордовский язык распевный, гласные тянутся, как песня, а некоторые согласные произносятся забавно для русского уха, поэтому мордовский акцент ни с каким другим не спутаешь, особенно если сам мордвин.

Проверяющий нашел, что училище заслуживает оценку «хорошо», а прощаясь, отозвал начальника училища в сторонку и, хоть и не положено по уставу, и не друзья они были, обратился с просьбой:

– Товарищ полковник, помните курсанта из второй роты?

Полковник подумал, что высокое начальство хочет отметить командира роты.

– Так точно, товарищ комдив. Хорошая рота. И командир отличный.

– Не спорю. Я о курсанте.

– Осипове?

– Да, именно об Осипове. Дело в том, что он – мордвин, мой земляк. Я давно не был на родине. Хочется сделать что-нибудь приятное для земляка. Надо устроить так, чтобы этот курсант продолжил службу в хорошем округе.

Комдив так поставил ударение на слове хорошем, что начальнику стало понятно, что округ этот должен находиться в европейской части Союза, но не Киевский Особый.

– Есть, товарищ комдив. К примеру, из Ленинградского разнарядка имеется.

– Вот и отлично.

С тем комдив и уехал. Он был родом из Мордовии и, как Коля, мордвин. Почти всю войну он был начальником штаба у маршала Жукова, который ценил и уважал его. Во время войны этот человек дослужился до больших звезд, и даже Сталин отмечал его знание военного дела. Звали его Пуркаев Максим Алексеевич.

К добру ли, к худу ли было такое вмешательство заслуженного полководца в судьбу Кольки? Может, в каком-нибудь захолустье Коля прожил бы более спокойную жизнь, обзавелся бы семьей, нарожал детишек и вышел в отставку, отслужив честно и беспорочно положенный срок, но, как говорится, история не знает сослагательного наклонения.

VII

Ленинград оглушил Кольку. Выйдя на Невский с Московского вокзала, Колька сразу же попал в самую гущу повседневной жизни огромного города. Неуклюже двигались троллейбусы, дребезжали трамваи, сигналили таксомоторы, везде люди, люди, люди. Все куда-то спешили, и никому ни до кого не было дела. Колька, выросший в тихой глуши и до сих пор служивший в относительно спокойных местах, и представить себе не мог, что на свете может быть столько машин и столько людей! Честно признаться, он оробел и сам себе казался уже не таким красивым и уверенным, как час назад, в поезде.

Расспросив у постового милиционера дорогу, Колька пешком отправился в штаб округа, благо все его пожитки умещались в небольшом фибровом чемодане.

Штаб жил своей жизнью. Сновали из кабинета в кабинет капитаны и майоры, резво передвигались полковники, даже комбриги и комдивы вышагивали так молодцевато, будто только вчера приняли под командование роту. Больше всего Кольку смутил капитан-дежурный. Едва лейтенант зашел в вестибюль, как тот возник перед ним, румяный, в новенькой щегольски подогнанной форме, благоухающий «Шипром», как высшее существо с другой планеты, всем видом своим давая понять, мол, куда ты, лейтенант, со свиным рылом да в калашный ряд.

– Я тут… У меня вот… – Колька смутился, стал шарить по карманам, хотя и знал, что направление лежит в нагрудном кармане вместе с командирской книжкой и комсомольским билетом.

Капитан терпеливо ждал. Наконец направление нашлось.

– Вам на второй этаж. Двести шестой кабинет.

В двести шестой кабинет Колька зашел уже «прибитый». Майор-кадровик, точная копия капитана-дежурного, такой же холеный и румяный, в такой же новенькой пижонской форме («Уж не брат ли?» – подумал Колька) в ответ на приветствие, не предложив сесть, спросил:

– Связист?

– Так точно. Связист.

– Вот и отлично. Нам связисты нужны. Будете службу проходить в Н-ской стрелковой дивизии.

– Как в стрелковой?! Да я… – задохнулся Колька.

– Товарищ лейтенант! – осадил его кадровик. – Вы прибыли служить или, может, к теще на блины?

Колька покраснел. Ему почему-то казалось, что он окажется в глубоком, тщательно охраняемом бункере, будет «качать связь» для наркомов, может быть, даже и для САМОГО!.. В училище он был одним из лучших курсантов, великолепно знал все модели радиостанций, неужели в округе негде применить его знания, кроме как в стрелковой дивизии на простейших рациях?

– Никак нет, товарищ майор.

– То-то же. Связистов не хватает. А дивизия – геройская! В годы Гражданской войны ею командовал сам товарищ… – и майор назвал фамилию героя, чей портрет пролетарии носили на демонстрациях. – Так что давай, служи.

Кроме того, героическая дивизия располагалась за полтораста километров от Ленинграда в лесисто-болотистой глуши. Дыра, одним словом.

Колька, разбитый и раздавленный, поплелся на вокзал, на этот раз – Финляндский. Он уныло осмотрел броневичок, с которого Ленин обращался к рабочим и солдатам в семнадцатом году. Веселая и суетная жизнь Северной столицы окружала его, как течение реки обтекает старый баркас, ржавеющий в затоне. Вечерний поезд увозил его к болотам, комарам и гранитным валунам.

VIII

А между прочим, лейтенант Осипов сделал в тот год, возможно, самую головокружительную карьеру в Красной армии. Злая судьба, как бы извиняясь за то, что обидела сироту в штабе округа, взяла его за руку и потянула круто вверх. Но все по порядку.

Начальник Генерального штаба Красной армии маршал Шапошников назвал штабы мозгом армии и даже написал на эту тему хорошую книгу, которую так и назвал: «Мозг армии». Если пользоваться анатомическими терминами и дальше, то получится, что разведка – это глаза и уши армии. А связь? А связь – это ее нервная система.

Гениальные замыслы полководца нужно быстро и без искажений передать в войска, иначе войска эти превращаются в тупую и беспомощную толпу вооруженных людей. Они без команды или в болоте увязнут, или друг друга перестреляют. Бери их голыми руками – не хочу. Поэтому связистов заслуженно называют войсковой интеллигенцией. Связисты в любом полку – уважаемые люди.

В те легендарные времена классных специалистов не хватало. Морщась и покряхтывая, приходилось брать на службу даже бывших офицеров царской армии, вставших на сторону советской власти.

При Сталине руководящая и направляющая Сила собиралась на свои исторические съезды не говорильни ради. Так, в 1929 году Сила на своем

очередном съезде приняла Первый пятилетний план развития экономики СССР. Магнитка, Комсомольск-на-Амуре, Турксиб, Днепрогэс – эти названия золотом вписаны в историю нашей страны. Решение об их строительстве Сила как раз и приняла на том памятном съезде. Не беда, что разорили деревню, – нужны были рабочие руки для новостроек пятилетки, а сытого и зажиточного крестьянина от сохи не оттащишь. Вот и пришлось немного полютовать.

Харьковский, Челябинский, Сталинградский тракторные заводы как грибы после дождя выросли во исполнение решений съезда. В названии этих заводов слово «тракторный» было вставлено для иностранных шпионов, так как все знали, что они производят в основном танки. И вскоре мы настроили много танков, очень хороших для своего времени. Ну, экипаж одного танка можно обучить и в полевых условиях. Механик-водитель – тракторист из колхоза, командир – парень с семилеткой, наводчик – у кого зрение хорошее, а заряжающий – из тех, кто поздоровее. За полгода можно «слепить» неплохой экипаж. Но танки объединяются во взводы, роты, батальоны, полки и бригады. Кто ими будет командовать? Поэтому открывались танковые командные училища. Но командиров все равно не хватало, потому что после училища молодой лейтенант мог командовать взводом, от силы – ротой. А командира от батальона и выше нужно «растить так же заботливо, как растит садовник облюбованное дерево», как метко сказал товарищ Сталин. Должно пройти какое-то время, пока командир наберется опыта. Такая же ситуация была и в авиации. Кроме военных училищ пилотов готовили аэроклубы Осоавиахима. Но это было низовое звено. Тех, кто поведет их в бой, и тех, кто будет чинить их самолеты, не хватало.

Простая вещь – значок «Ворошиловский стрелок». До войны десятки тысяч юношей и девушек с гордостью носили его на своей одежде. Думаете, чтобы его получить, было достаточно выбить из винтовки нужное количество очков? Ничего подобного! Это получился бы не ворошиловский стрелок, а заводской сторож. В лучшем случае – снайпер. Винтовка в этом деле была последняя вещь. Прежде чем тебя допустят до контрольных стрельб, ты должен сдать кросс, причем как бегом, так и на лыжах, выполнить гимнастические упражнения на спортивных снарядах, прыгнуть несколько раз с парашютной вышки и только потом можешь отправляться в тир.

Еще немного «рихтануть» такого стрелка, добавить ему спецподготовки, обучить минно-взрывному делу, и пожалуйста – готовый диверсант.

Поэтому и гордились молодые люди теми значками, и девушки охотнее принимали ухаживания от таких кавалеров. Это были будущие рекруты воздушнодесантных войск. Но кто ими будет командовать? В спешном порядке училища готовили командиров по сокращенной программе, и все равно нехватка командных кадров ощущалась весьма остро. Слишком стремительно росла и крепла Красная армия. Слишком много командиров замели в тридцать седьмом. Половину можно было бы и оставить.

Со связью ситуация была вообще пиковая. Не хватало не только специалистов, но и самих средств связи. Толковые связисты были на вес золота.

IX

Из штаба дивизии, в которую для дальнейшего прохождения службы был направлен лейтенант Осипов, его отфутболили еще ниже – в Н-ский стрелковый полк, располагавшийся у самой границы с Финляндией. Начальник строевой части болел «после вчерашнего», поэтому в документы особо не вникал, разглядев только звание – лейтенант. Командир полка назначил Кольку на должность командира взвода связи.

Начальником связи полка был старлей, почти Колькин ровесник, закончивший два года назад пехотное училище и до того командовавший стрелковым взводом. Понятно, что в радиостанциях он разбирался слабо. Да чего темнить, начальник связи полка старший лейтенант Синицин мог самостоятельно только ручку у репродуктора крутить. Все остальное радиохозяйство было для него темным лесом. Однако он оказался славным парнем, к тому же соседом Кольки по командирскому общежитию. Хотя это слово здесь звучало слишком гордо. Обыкновенный барак, такой же, в каких жили солдаты, разделили фанерными перегородками на несколько боксов, поставили двух дневальных и назвали командирским общежитием. Ну не в казарме же с рядовыми командирам спать.

От роду наблюдательный Колька отметил, что все командиры его полка – молодые. На досуге, за бутылкой белоголовой, он поделился своими наблюдениями с Синициным, и тот рассказал, что два года назад, когда сам Синицин только выпустился из училища, командир полка был другой. И начальник штаба – тоже другой. И комбаты – все до одного другие. Комиссар,

правда, остался прежний.

Два года назад, на торжественном мероприятии, посвященном Дню международной солидарности трудящихся, то есть Первому мая, вернее, на последовавшей пьянке, когда все вышли из-за стола покурить, тогдашний начальник штаба брякнул что-то насчет того, что Первую Конную создавали не Буденный с Ворошиловым, а комдив Дыбенко. Все удивились, но возражать никто не стал, потому что начштаба в Красной армии был с восемнадцатого года и в этой Первой Конной воевал пулеметчиком на тачанке. А еще он добавил, что батька Махно был награжден орденом Красного Знамени за штурм Перекопа. Будто красные шли в обход, через Сиваш, а в лоб Перекоп штурмовали махновцы. В благодарность за это батьку наградили орденом, а его лихую армию прижали в бескрайней степи к морю и покосили из пулеметов. Всю. До последнего бойца.

Разумеется, в это никто не поверил, но через два дня в полк приехали гэпэушники. Сначала арестовали не к добру памятливого начальника штаба, потом комполка, а напоследок всех комбатов и пару-тройку ротных.

А нынешний командир полка два года назад командовал ротой и носил в петлицах не две шпалы, как сейчас, а три кубика. Начальника связи арестовали год назад, и с тех пор Синицин мучился с этой долбаной связью, в которой он, выпускник пехотного училища, ни уха ни рыла.

– Так они шпионы были, наверное? Или вредители, – предположил Колька.

– А хрен их знает, может, и были, – согласился Синицин. – Только настоящие мужики они были.

Бутылка пустела. Тянуло на откровенность.

– А знаешь, Колян, – продолжал Синицин. – У старого комполка орден за Испанию был, а у начштаба – за КВЖД. Вот так! А у комиссара нашего – целых два! Один за то, что из-под Варшавы в двадцатом быстрее Тухачевского драпал, другой за то, что в двадцать первом кронштадтских матросов под лед спускал. Ты с ним поосторожнее. Он, знаешь, «на счету»…

И видя, что Коля закис от таких рассуждений, Синицин решил подбодрить собутыльника. Он встал, прошелся соколом по каморке, отбил каблуками дробь, хлопнул себя ладонями по груди, ляжкам и голенищам и выдал частушку:

Огурчики да помидорчики!

Сталин Кирова пришил в коридорчике!

Он весело посмотрел на Кольку, но тот не разделил его веселья.

Колька вспомнил, как кто-то рассказывал, как на партсобрании разбирали персональное дело одного коммуниста. Капитан-коммунист был направлен в Ленинград по делам службы, и черт его понес на Дворцовую площадь, где, как обычно, было полно народа. Приезжий люд любовался архитектурой Эрмитажа, глазел на арку Генерального штаба и мерил глазами высоту Александрийского столпа. Какой-то мужик подошел и попросил то ли прикурить, то ли закурить, не суть важно. Закурил, поблагодарил и пошел своей дорогой. Больше его капитан в жизни своей никогда не видел. Только через минуту после того, как мужик отошел, к капитану подошли двое в штатском, представились и попросили предъявить документы. Капитан предъявил. После этого двое очень вежливо попросили его проследовать с ними на Литейный для разговора и разъяснений. Оказалось, что мужик тот был – иностранец. Пусть прибывший в Советский Союз и разгуливающий по городу Ленина на совершенно законных основаниях, но – ИНОСТРАНЕЦ!

На Литейном битых три часа капитана терпеливо и обстоятельно расспрашивали, нет ли у него родственников за границей, нет ли кулаков и мироедов в родне, чем занимались его родители до семнадцатого года, не воевали ли они на стороне белых и почему, наконец, этот иностранец подошел не к кому-либо еще в целой толпе, а именно к нему, одетому в форму командира Красной армии? Может, какое сообщение передал? Может, это пароль такой был? Где, когда и при каких обстоятельствах они встречались раньше? Давно ли капитан завербован иностранной разведкой и какие сведения уже успел передать за рубеж? Капитан плакал, ползал на коленях, клялся «честным партийным», что никогда этого иностранца в глаза не видел, умолял поверить и просил вызвать свидетелей.

Люди, которые его допрашивали, прямо при нем позвонили в часть, где подтвердили, что капитан такой-то последние полтора года в Ленинграде не

был, так как вообще пределов части не покидал. Через три часа, вывернув всего его наизнанку, капитана отпустили, не извинившись, но в часть прислали официальную бумагу с изложением причин задержания. В части решили недостойный поступок капитана обсудить на партсобрании. И снова капитан плакал, ползал на коленях и умолял поверить и простить. Все понимали, что случай был глупейший и если капитана исключить из партии, то нужно будет гнать его и из РККА, сломав ему не только карьеру, но и жизнь. Но все также понимали, что капитан утратил бдительность.

Бдительность! Об этом говорилось ежедневно, плакаты, призывавшие к усилению бдительности, висели на каждом шагу и почти в каждом кабинете. Враги и шпионы были где-то рядом. А этот растяпа-капитан прямо посреди бела дня дал такого маху!

Некоторые горячие головы предлагали вычистить капитана из рядов, но решено было на сей раз «крови не проливать». Капитану влепили «строгача» с занесением в личное дело и понизили в должности.

Колька это запомнил и сделал выводы.

Стараясь придать своему лицу мужественное выражение, а в голос добавить холодной стали, он встал, одернул гимнастерку, поправил ремень и твердым, как ему показалось, голосом заявил:

– Гражданин Синицин! Прошу вас следовать за мной!

На самом деле от волнения и старания говорить уверенно и внушительно голос у Кольки сел, и в пространство полетел невнятный сип:

– Жажаницин, шушасе замой!

Но Синицин его понял. Еще надеясь обратить все в шутку, он стал дружелюбно уговаривать Колю:

– Колян, ты чего? Ты это всерьез, что ли?

Тогда Коля достал из кобуры наган, взвел курок и повторил уже спокойнее и тише:

– Гражданин Синицин, прошу вас следовать за мной.

В этот момент Осипов являл собой монумент, воздвигнутый в честь советской твердости и бдительности. Хоть на плакат его.

И Синицин вдруг обмяк, сделался жалким и суетливым. Не попадая внутрь, он стал натягивать сапоги прямо на босу ногу. Большой палец зацепился за голенище, но Синицин, не замечая этого, все толкал и толкал ногу в сапог. Провозившись с минуту, он наконец обулся и потянулся за ремнем.

Чувствуя, что и с ремнем выйдет нежелательная заминка, Коля остановил его:

– Ремень вам больше не понадобится, гражданин Синицин. На выход.

Они вышли на улицу. Синицин впереди, руки за спину, Осипов следом с револьвером в руке. За то короткое время, что ушло на обувание непослушных синицинских сапог, Коля успел остыть и успокоиться и теперь решительно не соображал, куда же вести этого Синицина. Он знал, что всех врагов народа нужно немедленно арестовывать. Так постоянно учили на политбеседах. Синицин сморозил частушку, направленную против вождя и учителя, клеветническую и откровенно вредительскую. Синицин, пусть во хмелю, проявил себя как вредитель и враг народа, и Коля его немедленно арестовал. Но что с ним делать дальше – этого лейтенант не знал. На политбеседах об этом не говорили, а сам он не догадывался. Прикидывая возможные варианты своих действий, Коля продолжал с обнаженным револьвером водить Синицина по расположению полка, нимало не смущаясь комизмом ситуации. Когда он повел его на третий круг, вдоль пути следования стали кучками собираться красноармейцы, по-своему, с солдатским юмором, комментировавшие этот променад двух командиров, из коих один шагал без ремня и фуражки, явно и демонстративно нарушая устав, а второй охранял нарушителя, уставив тому револьвер в район пониже спины.

Проще всего было бы отвести арестованного Синицина в Особый отдел. Именно это и было первой мыслью, пришедшей в Колькину голову. Пусть чекисты разбираются, это их дело. Но!.. А мало ли как отнесутся к самому Кольке в

Особом отделе? Допустим, Синицин сделал враждебный выпад в сторону советской власти. Хорошо, Синицин за это ответит. А вот вы, товарищ наш дорогой, лейтенант Осипов, какие выводы для себя сделали? И правильные ли они, эти выводы? Подлец Синицин частушку спел, но вы-то ее – слышали, следовательно – сопричастны! Почему он ее спел именно при вас? Может, вы где слабину дали? Может, вы всем своим образом жизни дали врагу повод рассматривать вас как возможного соучастника? Вселили в него уверенность, что на вас можно положиться в случае чего? А не готовили ли вы, гражданин лейтенант, заговор с целью свержения советской власти? Уж не по вам ли, любезный, плачет-тоскует пятьдесят восьмая статья самого гуманного в мире Уголовного кодекса?

Нарезав по полку четыре круга, Колька решил отвести арестованного в штаб. Пусть дежурный разбирается, у него опыта больше. Зайдя в дежурку, он в двух словах рассказал дежурному по полку суть дела. Дежурный капитан с роскошными буденновскими усами молча выслушал короткий Колькин рассказ и тихо произнес:

– Караул.

Красноармеец-вестовой, крутившийся тут же, опрометью бросился вон из штаба, и через пять минут в дежурку вошли двое караульных. Винтовки с примкнутыми штыками они держали наперевес.

Капитан был по-армейски краток:

– Увести арестованного.

После того как караульные увели Синицина, немногословный капитан удостоил Осипова еще парой слов:

– Пиши рапорт.

Краткость – сестра таланта. Всего пятью словами дежурный разрулил ситуацию и по таланту своему вплотную приблизился к гениальности. На следующий же день, пока Синицин томился под арестом на гауптвахте, командир полка объявил лейтенанту Осипову перед строем благодарность за бдительность. Благодарность занесли в личное дело, и это было неплохим началом карьеры…

но как-то нехорошо стали глядеть Кольке вслед сослуживцы, а при его появлении враз стихали оживленные разговоры.

Однако ход делу дан не был, и рапорт Осипова лег под сукно штабного стола. Командование полка, посовещавшись, постановило, что хватит жертв, иначе полк вообще может остаться без командиров. Да и лишнее нездоровое внимание привлекать ни к чему. Решено было не ломать жизнь старшему лейтенанту Синицину, по дурости и пьянке позволившему себе немного лишнего, и тот, отсидев трое суток на гауптвахте, вернулся к исполнению своих обычных служебных обязанностей как ни в чем не бывало. В его отношениях с чересчур бдительным лейтенантом Осиповым, правда, легла глубокая трещина. Синицин затаил зло, и зло это требовало выхода. И точка в их отношениях еще поставлена не была.

Полковое хозяйство нехитрое. Через пару месяцев Коля наладил связь в полку. Он не ленился проводить занятия с личным составом, объясняя красноармейцам основные принципы работы радио. Командир полка, видя такое усердие и знание предмета, произвел кадровую рокировку: Синицина поставил командовать разведротой, а на его место перевел Осипова. К вящему удовольствию обоих. Разведка и связь – близнецы-братья. Обе службы одинаково близки к командованию. Даже живут чаще всего в соседних казармах, а то и вовсе в одной. Но в данном случае между разведкой и связью «пробежала черная кошка».

Дивизией, в которой довелось служить Кольке, командовал полковник Бутылкин. Два года назад он был майором и командовал батальоном, но вихрь кадровых чисток вознес его по карьерной лестнице сразу на четыре ступеньки вверх, добавив попутно пару шпал в петлицы. И тут оказалось, что существует некоторая разница между батальоном и дивизией, и состоит она не только в количестве личного состава.

Полковник Бутылкин, назначенный так скоропостижно на высокую должность, совсем не умел командовать дивизией. Никто его этому не учил. Голова совершенно пошла кругом от навалившихся дел и забот. В первое время Бутылкин еще пытался командовать самостоятельно, но вскоре дела пошли из рук вон плохо, и он, окончательно запутавшись в служебных связях, как муха в паутине, опустил руки и предался извечной русской слабости с бесшабашностью обреченного. Со дня на день ожидая ареста за развал службы, он погружался все глубже и глубже на дно бутылки и редко когда бывал трезв. Настоящим

хозяином дивизии оказался начальник штаба.

Алексей Романович Сарафанов был, что называется, штабистом от бога. Эрудированный, грамотный, волевой – он являл собой хороший пример для молодых командиров. Карьеру его нельзя назвать блестящей. Многие его сослуживцы, с которыми он воевал с басмачами в Туркестане или учился на курсах «Выстрел», а позднее, в Академии имени Фрунзе, были уже комбригами или комдивами. Некоторые даже комкорами. А он – всего только полковник, не имеющий особых перспектив повышения.

Весть о том, что в полку появился великий спец по связи, по солдатскому телеграфу дошла до штаба дивизии. Начштадив полковник Сарафанов решил лично выяснить достоверность слухов и как-то в конце сентября выехал, вроде как с инспекторской проверкой, в полк, в котором служил наш Коля. Он дал командиру полка пару вводных по развертыванию войск в боевой порядок и по обеспечению взаимодействия между подразделениями. КП полка обозначил, ткнув пальцем в полковой плац:

– Отсюда, товарищ майор, и будете командовать.

Комполка нисколько не смутился. Несколько бойцов по команде молодого лейтенанта развернули радиостанцию и размотали три телефонных аппарата. Комполка руководил уверенно. В тех случаях, когда связь барахлила, он посылал вестовых с приказами к командирам подразделений. Два часа играли в войну, но полк выполнил все вводные. Все это время Сарафанов исподволь приглядывался к действиям комполка и лейтенанта-связиста. «Сукины дети» действовали грамотно и без суеты, будто его, Сарафанова, приезда ждали и неделю к нему готовились. В конце концов начштадив объявил отбой и попросил построить весь личный состав на плацу. Сделав краткий разбор учений, он объявил всему полку благодарность.

Обратно в дивизию начштадив уезжал, держа лейтенанта Осипова на карандаше. Ему не хватало грамотных и решительных командиров. Прошедшая два года назад зачистка комсостава больно ударила по штабным кадрам. Как метлой по кабинетам подмели. Опытных штабистов осталось мало. На командира взвода можно любого лоботряса в училище выучить, а штабного работника надо готовить. Долго и кропотливо. Слишком разная служба – в войсках и при штабе. Сколько бед может натворить дубовый капитан в войсках? Роту, ну – батальон солдат бездарно под огнем противника положить. А у них в

штабе дивизии капитан – начальник оперативного отдела. Если он сделает ошибку в планировании, то под огонь противника попадет целая дивизия! Четырнадцать тысяч штыков.

Поэтому так уж получилось, что в октябре в дивизию из полка перевели двух человек: командира полка майора Соломина на должность заместителя командира дивизии и лейтенанта Осипова – исполняющим обязанности начальника связи дивизии. Вот так! Должность, по тем временам, если и не полковничья, то майорская – точно.

X

«Не исключена возможность, что СССР будет вынужден, в силу сложившейся обстановки, взять на себя инициативу наступательных военных действий».

«Красноармейский политучебник», с. 155

Советское правительство с 1918 года было обеспокоено близостью границ к Ленинграду. До войны они располагались совсем не там, где теперь, а гораздо ближе к городу. Ленинский лозунг о праве каждой нации на самоопределение поляки и финны поняли чересчур буквально и отделились от молодой советской республики. В 1918 году никакой возможности удержать их в границах РСФСР не было, так как молодая советская республика сама задыхалась в кольце фронтов Гражданской войны, и никто в мире не мог поручиться, что она просуществует сколько-нибудь долгий срок. В 1939 году ситуация изменилась. Курс на индустриализацию, проводимый партией и правительством, позволил создать в СССР одну из самых передовых и боеспособных армий своего времени. Бои на озере Хасан и на Халхин-Голе показали лучшие качества Красной армии и отличные боевые качества красноармейцев. Поэтому советское правительство и озаботилось переносом границ подальше от города Ленина. Озабоченность эта возрастала все больше по мере укрепления Красной армии, а после подписания пакта Молотова – Риббентропа она переросла в прямое беспокойство. Финской стороне были предложены несколько вариантов территориального обмена для того, чтобы отвести границу западнее и севернее Ленинграда. Правительство Финляндии, надеясь на линию Маннергейма и опираясь на уверения англичан, делало вид, что не понимает прозрачных намеков, шедших из Москвы. Такая

непонятливость маленького соседа огромной страны привела к тому, что в советской печати появилось следующее сообщение ТАСС:

«Ленинград. 30 ноября с. г. в 2 часа ночи в деревне Ковойня, что на северном берегу Ладожского озера, группа финских солдат со стороны деревни Манесила, нарушив границу СССР, атаковала передовую заставу Красной армии. ПРОТИВНИК БУДЕТ УНИЧТОЖЕН! …Финские войска снова открыли стрельбу. От этих слов на лицах советских людей гнев. Но с радостью было встречено сообщение о том, что Красная армия перешла финскую границу.

«Правда», 1 декабря 1939 г.

«Каллио (президент Финляндии) объявил состояние войны с Советским Союзом».

Рейтер. Лондон. 30 ноября 1939 г.

В ночь с двадцать девятого на тридцатое ноября из штаба округа пришла директива, в которой дивизии предписывалось находиться в состоянии боевой готовности номер один и быть готовой действовать по-боевому. Колька узнал о ней одним из первых, так как во время приема директивы находился на узле связи. Ему не спалось последние дни. Необъяснимое предчувствие чего-то плохого, что должно скоро произойти, не давало ему покоя. Перечитав директиву, Колька подумал: «Ну, вот оно». Он вышел в коридор штаба. За дверью кабинета начштаба горел свет. Колька постучал и вошел. Начальник штаба разговаривал по телефону. Увидев Кольку, он сделал приглашающий жест, показывая на стул, а сам тем временем продолжал отвечать по телефону:

– Так точно! Есть! Есть! Готовы, выполним… Есть выполнять!

Наконец он положил трубку и посмотрел на Колю:

– Осипов? Что у тебя?

– Вот, товарищ полковник, – Коля положил на стол листок с директивой.

Сарафанов взял лист, прочитал директиву, поморщился.

– Знаю уже. Только что разговаривал со штабом округа.

– Товарищ полковник, что же это?

– Это? Это война, товарищ лейтенант. Война!

– Как же так? – растерянно спросил Коля.

– Раком! – отрезал Сарафанов. – Приказано разбить финнов – значит, разобьем, никуда не денемся. Связь готова к работе в полевых условиях?

– Так точно.

– Содержание директивы больше никому не разглашать. До личного состава доведем завтра на построении. Иди, собирайся. Завтра, – он посмотрел на часы, – нет, уже сегодня выступаем.

Как это часто бывало и раньше, Красная армия воевала бездарно и бестолково, заваливая укрепления линии Маннергейма трупами своих бойцов. Танки вязли в двухметровом снегу. На затворах винтовок и замках орудий на морозе застывала смазка, и они отказывались стрелять. Из штаба округа не поступило ни тулупов, ни валенок, ни теплого белья, ни меховых шапок. Красноармейцы были одеты в обычные шинели на рыбьем меху, кирзовые сапоги, которые трескались от мороза, и суконные буденновские шлемы. По приказу командарма Тимошенко все новые и новые стрелковые цепи окоченевших красноармейцев бросались через минные поля на штурм бетонных дотов. Финны отвечали ураганным минометным и пулеметным огнем, и все атаки, захлебнувшись, откатывались, оставляя на белом снегу сотни скорченных трупов в серых шинелях.

Не то чтобы Семен Константинович Тимошенко был болван и не понимал, что творит, бросая своих солдат тысячами на верную смерть. Возможно, он яснее всех понимал, что таким образом линию Маннергейма не прорвать. Но у него был приказ это сделать, и этот приказ исходил от человека, спорить с которым в

Советском Союзе не рисковал никто. Сталин ничего не говорил о возможных потерях. Он только приказал прорвать линию Маннергейма и обозначил рубежи, на которые должна была выйти Красная армия. Это можно было понимать и так: хоть по трупам, пока у финнов патроны не кончатся, но выйди, товарищ командарм, на эти рубежи. Если ты положишь сто тысяч красноармейцев, то я дам тебе другие сто тысяч. Если двести – найду и двести. А если ты линию Маннергейма не прорвешь и к намеченным рубежам не выйдешь, то ко мне в Кремль лучше с оправданиями не приезжай. Ты лучше там, в Карелии, застрелись.

Застрелиться было не так страшно, как не выполнить приказ Сталина.

«Войска Ленинградского военного округа в своем продвижении достигли следующих рубежей:

На Мурманском направлении наши войска, преодолевая сопротивление белофиннов, продвинулись на 35 километров южнее Петсамо.

На Ухтинском, Реболском, Поросозерском и Петрозаводском направлениях в результате успешных боев наши войска пересекли железную дорогу Нурмес-Иоэнсуу и продвинулись на 60–65 километров от гос. границы.

На Карельском перешейке, в восточной его части, наши войска после артподготовки прорвали главную оборонительную линию финнов, известную как «линия Мажино – Кирка».

Из Оперативной сводки штаба Ленинградского военного округа от 6.12.39 г.

На Карельском перешейке наши войска после артподготовки захватили безымянный хутор, хозяева которого сбежали в глубь Финляндии еще в конце ноября. В огромной риге был оборудован полевой узел связи. По-северному просторную избу хозяев занял штаб дивизии. За обеденным столом сидел начальник штаба и составлял донесение о потерях.

Донесение выходило невеселое. Дивизия, насчитывавшая 14 512 человек личного состава, за неполную неделю боев потеряла две трети бойцов. Из них убитыми 3102 человека, ранеными 3657 человек, обмороженными и больными 2841 человека. Под ружьем оставались 4912 человек. Линия Мажино – Кирка лежала километрах в трех от хутора, цела и невредима. Многочисленные атаки не принесли ей никакого вреда, красноармейцы гибли на минном поле под кинжальным огнем, не успевая добежать до финского переднего края. За четыре дня штурма дивизия была обескровлена и деморализована.

Большой урон причиняли «кукушки» – финские снайперы, усевшиеся на деревьях. Они имели хорошую оптику и не подпускали к себе наших бойцов ближе чем на шестьсот шагов. В этом радиусе, заранее пристреляв ориентиры, они, стреляя наверняка, убивали красноармейцев как в тире. Один патрон – одна смерть. До леска, в котором засели «кукушки», было метров восемьсот открытого пространства, которое хорошо просматривалось между веток с высоты деревьев, на которых снайперы оборудовали себе огневые позиции.

Сарафанов докончил донесение, крикнул вестового:

– Вестовой! Осипова ко мне.

Штаб округа рапортовал о том, что линия Мажино – Кирка прорвана. Штаб округа не может ошибаться. Это значит, что сегодня в ночь он поднимет всех оставшихся бойцов и пойдет с ними на верную смерть – штурмовать эту линию. Лучше умереть от финской мины, чем от чекистской пули. В том, что его расстреляют, если он останется жив, Сарафанову сомневаться не приходилось: невыполнение приказа – трибунал, приговор известен. Два года назад расстреливали и не за такое.

Умирать было не страшно, но жалко. Через несколько часов он, полковник Сарафанов, погибнет ненужной, глупой, ничего не меняющей смертью.

– Вызывали, товарищ полковник? – на пороге стоял румяный от мороза лейтенант.

– А, Осипов. Заходи. Отправишь вот это донесение в штаб округа и вызови мне командиров полков к шестнадцати ноль-ноль в штаб.

– Виноват, товарищ полковник, с полками нет связи. Наверное, миной провод перебило.

– Так устраните повреждение, – в голосе Сарафанова появилось раздражение.

– Днем невозможно, товарищ полковник: «кукушки». Ночью найдем обрыв и все починим.

Упругой пружиной Сарафанова подбросило со стула. Ночью идти на штурм. Ночью их всех будут убивать. Без разбора будут крошить в капусту и полковников, и рядовых, а этот долболет в лейтенантских кубарях тут еще какие-то слова говорит. О чем это он?

Сарафанов достал из кобуры наган, взвел курок и направил наган в упор Коле между глаз.

– Через час, нет – через сорок минут, товарищ лейтенант, я жду от вас доклада о том, что связь работает как надо. А в шестнадцать ноль-ноль наблюдаю командиров полков в штабе. Вам ясно? – тяжело дышал полковник.

– Так точно, ясно, – моментально побелел Коля.

– Выполняйте.

– Есть! – лейтенант четко отдал честь, так же четко повернулся кругом через левое плечо и вышел из избы.

– Назарбаев, Сидоров! – подозвал он двух связистов. – Возьмете катушку, винтовки и пройдетесь по линии. Задача: найти и починить обрыв.

В риге повисла тишина. Все понимали, что это – верная смерть.

– Так, товарищ лейтенант… – начал было Назарбаев.

– Отставить. Выполнять приказ. За неисполнение – расстрел, – оборвал Осипов, будто не он минуту назад обмирал от страха под дулом сарафановского нагана. – Маскхалаты наденьте. Передвигаться только ползком, – добавил он

уже мягче.

Два связиста, захватив катушку с проводом, поползли по ровному и открытому полю вдоль линии связи.

Коля присел на пустой ящик из-под патронов. Потянулись минуты. Одна. Вторая. Пятая. Десять минут. Пятнадцать. Двадцать.

«Прошли. Наверное, прошли, – думал о своих подчиненных Коля. – Выстрелов нет, значит – прошли».

И тут один за другим сухо щелкнули два выстрела.

Коля посмотрел на часы. Прошло двадцать три минуты. Он встал, прошелся по риге. Первым естественным желанием было побежать посмотреть, что со связистами. Но он вспомнил сарафановский приказ наладить связь во что бы то ни стало, вспомнил наган, направленный ему в голову, и между лопаток, несмотря на мороз, протекла капелька пота. Еще два связиста под угрозой расстрела были отправлены на поиск обрыва провода. Два выстрела раздались через восемнадцать минут.

Колька с тоской посмотрел на оставшихся связистов. Его душило чувство взятого на душу греха. Ведь он понимал, что, приказывая днем на открытой местности искать обрыв, он отправляет своих людей на верную гибель. Нет и не было у них шансов доползти.

Колька стал натягивать маскхалат, взял катушку, повернулся к оставшимся связистам:

– Прощайте, товарищи. Не поминайте лихом.

Ему никто не ответил.

Коля лег на живот и по-пластунски выполз из риги.

По полю была проложена довольно глубокая борозда, оставленная проползшими здесь связистами. Не поднимая головы, Колька стал вглядываться вдаль. Метрах

в трехстах от него лежали без движения, уткнувшись в снег, два красноармейца. Еще дальше, шагов через сто, лежали другие двое. Колька видел черные подошвы их сапог. «Ну и ладно, – подумал он. – И пусть. По грехам мне и мука. Нечего было грех на душу брать».

Он пополз по борозде, вжимаясь всем телом в снег. «Интересно, а где меня убьют?» – продолжал он свои размышления, невольно переводя взгляд в сторону леска, в котором засела «кукушка». Если убьют до первых двух связистов, то будет жалко, что не прожил еще несколько минут, а если после – то можно считать, что он обманул свою смерть, выкроив для себя несколько лишних мгновений.

«Стоп! – В крестьянском Колькином мозгу мелькнула догадка. – “Кукушка” не сорока, чтоб с ветки на ветку порхать. “Кукушка” сидит на каком-то одном дереве, где у него оборудована огневая позиция, откуда он заранее пристрелял местность. – И тут же вторая догадка услужливо пришла в голову. – Все правильно! “Кукушка” целыми днями сидит на дереве без движения, разглядывая в бинокль вот это унылое ровное поле. Глаз “замыливается”, внимание рассеивается, поэтому первую пару “кукушка” заметил позднее второй. Убив Назарбаева и Сидорова, он встрепенулся и стал ждать вторую пару, поэтому ребята успели проползти меньше».

Почувствовав шанс на спасение, Колин мозг стал работать как сложное и дорогое счетно-решающее устройство.

«А что это означает? – спросил парень сам себя и через секунду сам себе ответил: – А это означает, что вершина сектора обстрела “кукушки” находится на линии леса и располагается где-то посередине между первой и второй убитыми парами».

Установить местонахождение снайпера – значит наполовину победить его. Только что толку в таком знании? До того леска метров четыреста. Колька не видит «кукушку», а «кукушка» пока не видит Кольку. Значит, покуда двигаться вперед не надо. А когда будет надо? Если Колька передвинется вперед, то снайпер его заметит наверняка, а сам Колька в лучшем случае успеет засечь вспышку выстрела его винтовки перед самой своей смертью. Что делать? Третья – спасительная – догадка не заставила себя ждать. «Сидит же без движения! – додумался Колька. – А пописать ему сходить надо? Ладно, пописать можно с дерева, а если покакать или просто ноги размять?»

И это была победа.

Морозило. Погода выдалась безветренная. Деревья стояли ровно, ветви не колыхались. Любое шевеление веток мог произвести только человек. Колька рассчитал так: «По такому снегу четыреста метров я пробегу минуты за три. Если где-то зашевелится ветка и хрустнет снег, это будет значить, что “кукушка” пошел по своим делам. Он наверняка в маскхалате поверх тулупа. Пока маскхалат снимает, пока тулуп расстегивает, пока дела свои делает, потом обратно собирается, у меня будет минут десять. Главное – не торопиться, дать “кукушке” на корточки сесть. А если я не прав, то первая же пуля – моя. И конец мученьям».

Коля застыл, мучительно, до боли в глазах, вглядываясь в ветки деревьев, стоящих на опушке, и прислушиваясь ко всем звукам, доносящимся из леса. Мороз стоял градусов тридцать. Коля месяц назад успел купить теплые кальсоны, но холод сверху и снизу проникал через фуфайку и маскхалат, пробирая до костей. «Водочки бы…» – подумалось Кольке.

Примерно через полчаса на опушке качнулась толстая ветка. Раз, другой, третий. Потом качнулась ветка пониже. У Кольки бешено заколотилось сердце: «Вот оно, пошло дело». Скоро, как и рассчитывал Колька, послышался хруст снега, будто в него уронили что-то тяжелое. «Спрыгнул. Теперь надо досчитать до двадцати, чтобы дать ему отойти от дерева». Через двадцать секунд Колька с низкого старта саженными прыжками, бросив катушку, с винтовкой наперевес поскакал через поле, местами по пояс проваливаясь в снег.

«Скорее! Скорее! Скорее!» – стучало у него в мозгу. Сердце ухало в груди от подбородка до живота и готово было выскочить наружу. Ему казалось, что он не бежит, а топчется на месте.

«Вот и опушка. Добежал. И все еще живой. – Колька с разбегу рухнул в снег и пополз на брюхе. – Вон оно, то дерево. От него в сторону леса вела цепочка следов. Только бы не смена караула. Только бы он не ушел».

«Он» не ушел. Метрах в двадцати от дерева пролегал небольшой овражек. В этом овражке со спущенными штанами сидел щуплый паренек лет восемнадцати и – скажу мягко, не конфузьтесь – «по капле выдавливал из себя раба» прямо на снег. За этим занятием он и был застигнут бравым Колькой.

Рядом с ним на ветке орешника висел тулуп, винтовка была воткнута прикладом в снег.

Услышав шум за спиной, паренек обернулся. Можно не сомневаться, что в этот момент у него процесс пошел поживее.

Коля навел на него винтовку, жестом приказывая подняться.

Непослушными руками паренек застегнул штаны и тщетно пытался попасть в рукава тулупа.

– Неси прямо так, – Колька показал винтовкой в поле. – Пошли.

Паренек выбрался из оврага, держа тулуп под мышкой.

– Винтовку не забудь, – Колька показал на винтовку.

Паренек снова спустился в овраг и, ухватив винтовку за цевье, бросил ее к Колькиным ногам.

Проходя мимо дерева, на котором «кукушка» оборудовал себе гнездо, Колька поднял взгляд и увидел красный термос, висящий между ветвей.

– Давай его сюда, – показал он финну на термос, – нечего добром разбрасываться.

Паренек юрко вскарабкался на дерево и через секунду спрыгнул с термосом. Все это время Колька держал его на прицеле.

– Пошли, что ли? – Колька показал винтовкой впереди себя.

Пока вел пленного, Колька прислушивался к его бормотанью и вдруг осознал, что понимает по-фински… Тот говорил, что «русские – звери» и что «теперь его убъют». И тогда Колька, проверяя себя, задал на своем родном языке пару вопросов финну, на которые тот быстро ответил.

В риге, куда Колька привел пленного, бойцы встретили его как выходца с того света. Связисты не ожидали больше увидеть своего командира. Помкомвзода Грицай, здоровенный черниговский хохол, переминаясь с ноги на ногу, промямлил:

– Товарищ лейтенант, а мы вас того… Не ждали уже… сегодня.

– Грицай, мигом доложи начштаба, что я захватил пленного. А вы двое, – Колька указал на связистов, – быстро на линию, и чтоб через полчаса связь была. «Кукушек» перед нами больше нет, – он указал на пленного. – Я его спрашивал. Катушку подберете в поле. Их там целых две.

Через минуты в ригу зашел Сарафанов.

– Осипов?! Живой?! – обрадовался полковник. – Как же ты это ухитрился, я имею в виду финна?..

– Да так как-то, товарищ полковник, – будто оправдывался почему-то Колька. – Должно быть – со страху.

– Что, страшно было? Поди, полны штаны наложил, пока его поймал.

– Маленько есть, – честно признался Колька. – Но он больше.

– Ну что ж, Осипов, – Сарафанов посмотрел на Кольку, потом на пленного. – Тебя за твой подвиг к ордену представим. А этого, – он показал на «кукушку», – как говорится, по законам военного времени. В расход. Сам его пустишь или помощь нужна?

– Так, это… Товарищ полковник… Допросить бы его.

– Где ж я тебе переводчика найду? Через пять часов на штурм идти. Даже по команде сообщать о нем нет смысла, все равно не успеет до нас переводчик добраться.

– Товарищ полковник, разрешите мне? Я могу, – попросил Колька. – Я, кажется, по-ихнему понимаю.

– Да ну? Интересно… Спроси у него, много ли еще «кукушек» в лесу?

– Спрашивал уже. Он говорит, что на два километра вправо и влево от того места, где я его поймал, никого нет.

– Тогда спроси, может ли он показать нам схему их обороны? Если покажет – останется жив.

Колька стал говорить с финном по-мокшански. Пленный закивал и с надеждой смотрел то на Кольку, то на полковника.

– Ну, тогда веди его в штаб, – подвел итог Сарафанов.

В штабе перед пленным финном расстелили карту двухверстку, дали ему синий карандаш.

Сарафанов приказал:

– Рисуй.

Колька перевел. Пленный взял карандаш и стал наносить на карту значки и линии.

– Переведи ему, что если он что-то напутает или забудет нарисовать, то он пожалеет, что родился на свет. Смерть его будет мучительной и долгой.

Колька снова сказал несколько слов на мокшанском. Пленный кивнул и еще глубже погрузился в работу. Минут через десять он сказал, что все готово.

– Ну и что это за китайская грамота? – спросил Сарафанов.

Пленный залопотал, объясняя свои значки, а Колька переводил:

– Это, товарищ полковник, минные поля. Тут, тут и тут. А это – финские доты. Здесь и здесь. В этой деревне располагается батальон, который прикрывает этот участок обороны. Этот финн говорит, что можно пройти мимо минных полей и

дотов и захватить деревню врасплох.

– Пусть покажет по карте.

Полковник Сарафанов полностью изменил заготовленную диспозицию. Когда в назначенное время прибыли командиры полков, он довел до них совсем другой план прорыва финской обороны. Исходя из сведений, полученных от пленного, были направлены две небольшие разведгруппы с задачей уничтожить доты противника. Пленный финн показал безопасные подходы к дотам. В это время остатки дивизии просачивались мимо минных полей. Взрыв дотов послужил сигналом к атаке. Финны не ожидали увидеть в своем расположении красноармейцев, да еще и ночью. Все было кончено в несколько минут. Линия обороны была прорвана, финский батальон взят в плен.

Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа от 6.12.39 года подтвердилась ранним утром седьмого декабря. По крайней мере, в части событий на Карельском перешейке. Но это был только первый эшелон линии Маннергейма. Впереди было сорок километров дотов, минных полей, надолбов и траншей, которые еще предстояло преодолеть.

XI

Как всегда и везде, когда Красная армия терпела поражение или победа доставалась ей ценой огромных потерь, ордена и медали в войсках рассыпали корзинами. Надо было как-то заретушировать потери, понесенные огромной державой в пограничном конфликте с небольшим государством, и поднять моральное состояние войск. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР 88 человек были награждены орденом Ленина, 1146 человек – орденом Красного Знамени, 3602 человека – орденом Красной Звезды, 3593 человека получили медаль «За отвагу», 4431 – «За боевые заслуги». 26 человек стали Героями Советского Союза. И это только в Красной армии! У флота был свой счет. А еще награждались железнодорожники – отдельным списком. Совпартруководители и гражданские служащие – тоже отдельным списком. Недавно учрежденные медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» получили даже повара. Власть будто хотела заткнуть рты выжившим, вовлечь их в круговую поруку. Льготы и награды, тобой не заслуженные, вовлекают в заговор молчания. Награжденные

становились как бы соучастниками государственного обмана.

Приезжал, допустим, награжденный красноармеец в свою деревню на побывку, и неловко становилось ему рассказывать односельчанам всю правду о потерях. О том, что медаль свою он получил не за подвиг, не за доблесть воинскую, а за то, что не замерз в карельских снегах, не подорвался на минном поле, не попал на прицел финского снайпера, что не его роту погнали на пулеметы по пояс в снегу. Что он просто выжил. Не это хотели услышать земляки. Простые люди, изнуренные работой, лишенные материального достатка, хотели знать, что их тяжелый труд и нищенское, полуголодное существование не напрасны. Это их трудом крепится Красная армия, в которой служат такие герои.

Разве этим людям можно было говорить правду?! Разве можно было развенчать их святую веру в высшую мудрость вождя, который сидит в Кремле? А если прибавить к этому горящие глаза девчонок и уши осведомителей НКВД, то станет понятно, что правду о той войне говорить было решительно невозможно. Вот и плел красноармеец доверчивым слушателям семь гор до Луны, заливал баки.

Ушли в Москву наградные листы на лейтенанта Осипова и полковника Сарафанова. Лейтенанту – на орден Красной Звезды, полковнику – Красного Знамени. Но в этом конкретном случае награды были заслуженными и справедливыми. Полковник Сарафанов действительно спланировал и провел талантливую операцию по захвату укреплений противника и разгрому его гарнизона, а выполнение этой операции стало возможным благодаря тому, что Коля захватил в плен финского снайпера.

Больше на той войне Коля не совершил ничего героического. Под пули ему – штабному – лезть больше не приходилось, по минным полям он тоже не разгуливал. Он находился при штабе, обеспечивал связь штаба с полками и батальонами и по совместительству выполнял обязанности переводчика при допросах пленных и в переговорах с местными жителями.

11 февраля 1940 года Красная армия после мощной артподготовки пошла в крупномасштабное наступление. Глубоко эшелонированная линия Маннергейма была наконец прорвана. 12 марта в Москве был подписан мирный договор. 13 марта боевые действия были прекращены. Война была завершена победоносно для Красной армии. Границы были отнесены на запад и север от Ленинграда за счет финской территории безо всякой компенсации, а в составе

Союза ССР появилась новая республика – Карело-Финская ССР.

А что же англичане и французы? Эти ребята просто помахали флагами – и все. В марте сорокового года они предпочли моментально забыть о тех грозных и воинственных заявлениях, которые делали четыре месяца назад, о тех гарантиях, которые выдавали наивным и легковерным финнам. Ровно за три месяца до вторжения Красной армии в Финляндию Германия при сходных обстоятельствах напала на Польшу, и ей немедленно была объявлена война. Советскому Союзу эти два государства объявлять войну не решились, хотя СССР проявил себя как агрессор, попирающий все нормы международного права.

С подачи Сарафанова приказом командующего округом лейтенанту Осипову в апреле сорокового года было присвоено воинское звание «старший лейтенант». Досрочно.

Узнав о досрочном присвоении Кольке очередного звания и о представлении его к ордену, к начальнику штаба дивизии подкатился начальник политотдела. Тоже полковник. Он вальяжно расположился на стуле возле сарафановского стола и начал издалека развивать мысль о том, что «некоторые старшие командиры проталкивают своих любимчиков», об усилении бдительности, о моральном облике красного командира и недостаточной политической и гражданской зрелости некоторых молодых командиров, вчерашних курсантов. Дескать, имеются тревожные сигналы от молодых коммунистов, на которые он, представитель партии в данной дивизии, обязан отреагировать и принять неотложные строгие меры как к «возомнившему из себя» нарушителю социалистической морали, так и к тем, кто его покрывает и продвигает по службе.

Сарафанов был завален грудой неотложных дел, ему было некогда да и неприятно выслушивать сентенции комиссара, поэтому он оборвал его:

– Короче, куда ты гнешь?

Комиссар улыбнулся и достал из планшета три листа исписанной бумаги. Сарафанов ждал продолжения.

– Вот, товарищ полковник, рапорты коммунистов нашей дивизии о недостойном поведении старшего лейтенанта Осипова. Людьми командует из рук вон плохо,

делами службы не интересуется, в международном положении разбирается слабо, замечен в бытовом пьянстве.

Комиссар протянул Сарафанову рапорты.

– Вы почитайте. Вот рапорт его соседа по общежитию Синицина, грамотного и дисциплинированного командира.

Сарафанов брезгливо отвел протянутую руку с пачкотней.

– Что вы предлагаете? – спросил он комиссара.

– Я предлагаю обсудить поведение Осипова на комсомольском собрании, понизить в должности и отправить его служить в тот полк, из которого вы, товарищ полковник, так неосмотрительно перевели его к нам в штаб дивизии. Кроме того, я сегодня же пошлю рапорт в политуправление округа об исключении Осипова из наградных листов.

Сарафанов спокойно посмотрел на комиссара:

– Осипова, значит, обратно в дыру?

– Почему – в дыру? Не в дыру, а к месту службы.

– Ага. Понятно, – кивнул Сарафанов. – Если парень не бегает к тебе и не стучит на своих товарищей, то он, значит, тебе не угоден?

– Что за тон, товарищ полковник! – возмутился комиссар. – Не «стучит», а докладывает обстановку. Прошу выбирать выражения.

– Осипова, значит, обратно в дыру, – повторил Сарафанов. – А кто связь в дивизии обеспечивать будет и языков таскать? Ты и твои стукачи? Ты хоть понимаешь, что все мы Осипову жизнью обязаны?! Что он, можно сказать, дивизию спас от позора и людей от смерти?

– Товарищ полковник!.. – комиссар привстал со стула. – Если вы сейчас же…

Но Сарафанов перебил его, спокойно и прямо глядя в глаза:

– Если хоть одна бумажка без моего ведома и подписи выйдет из дивизии, то будьте уверены, товарищ полковник, что я в ГлавПУр РККА такую телегу накатаю, что все московские писаря свои чернильницы выпьют от зависти. Причем телегу эту я направлю не по команде. У меня в Москве найдутся друзья, которые положат мой рапорт прямо на стол начальника Главного политического управления товарища Мехлиса. Я уверен, что Льву Захаровичу будет весьма интересно узнать, что комиссар дивизии, проповедующий ленинские нормы морали, живет с женой своего командира по причине очередного запоя последнего. Что этот комиссар через начальника продовольственной службы сбывает гражданским лицам – спекулянтам – армейские харчи. Что этот комиссар вставил в наградные листы своих приближенных подхалимов, которые непосредственного участия в боевых действиях не принимали. Продолжать или достаточно?

Мехлис, попади ему такой рапорт на стол, немедленно бы направил его в трибунал и настоял бы на высшей мере. Поэтому продолжать не потребовалось. С каждым словом Сарафанова комиссар краснел все больше и больше, наливаясь пунцовой зрелостью. Казалось, его вот-вот расшибет апоплексический удар. Он встал и нетвердой походкой пошел к двери, остановился возле нее, повернулся, взявшись за ручку, и, не поднимая глаз, выдохнул:

– Я все понял.

– Я надеюсь, товарищ полковник, что вы поняли действительно все. В том числе и то, что хозяин в дивизии должен быть один. И что добровольные помощники есть не у вас одного. Всего доброго.

Апрель, капель…

Весна пришла и в эти северные широты Кольского полуострова. Таял снег, капали сосульки, по-весеннему пригревало солнышко. В природе, во всех ее звуках и запахах, чувствовалось обновление. Мир будто заново рождался, вытаивая из-под снега.

В последних числах апреля сорокового года Коля вошел в штаб, ответил на приветствие дневального и прошел в кабинет начальника штаба.

– Разрешите, товарищ полковник, – Коля по-уставному приложил руку к виску.

– Заходи, Осипов. Хорошо, что пришел.

Коля сделал три шага от двери строевым.

– Товарищ полковник! Лейтенант Осипов. Представляюсь по случаю присвоения звания «старший лейтенант».

– Правильно делаешь, что представляешься. Постараюсь запомнить. Петлицы перешил уже?

Коля поправил воротник с петлицами. Он их пришил всего полчаса назад – уже с тремя кубиками.

– Когда обмывать будешь? Не забудь пригласить.

– Так сегодня вечером, товарищ полковник, и собирался. Прошу ко мне после службы, к девятнадцати ноль-ноль.

– Спасибо за приглашение. Приду. А теперь о деле. Тут начальник политотдела интересовался, почему это лейтенант… отставить – старший лейтенант Осипов не подает заявление о вступлении в ряды ВКП(б)? Ты, может, программы нашей не разделяешь?

– Товарищ полковник, – Коля откровенно растерялся. – Да рано мне вроде. Мне всего-то двадцать два.

– Ты что же, считаешь себя недостойным?

– Да нет… То есть да, считаю, – запутался Коля.

– Ага. Понятно, – подвел итог Сарафанов. – Значит, ордена получать да звания внеочередные – ты не молодой, а в партию, выходит, не созрел.

– Товарищ полковник, я ж не знал, – стал оправдываться Коля. – Вы только прикажите.

Сарафанов посмотрел на него как на безнадежно больного, с жалостью и скорбью.

– Дурак! – поставил он диагноз. – Тебе честь оказывают, а ты – «прикажите»! Сам-то как считаешь? Достоин ты нашей партии или нет?

– Достойным себя я считаю, но думал, что еще молодой.

– Индюк тоже думал. Чтоб сегодня же вечером в политотделе было твое заявление о вступлении в партию. Молодость – это недостаток, который проходит со временем. К сожалению. И вот еще что. Вызов пришел из Москвы. На тебя и на меня. Ордена нам с тобой в Кремле вручать будут. Сам Калинин.

– Ух ты-ы! – не удержал эмоций Колька.

– Вот тебе и «ух ты». Тридцатого апреля в двенадцать часов надо быть в Кремле. Форма одежды – парадная. Двадцать восьмого выезжаем. А чтоб у тебя голова не закружилась от успехов, завтра вечером заступишь в наряд дежурным по штабу. Вопросы есть?

Через четыре дня состоялось собрание партийной организации штаба дивизии. В повестке дня значилось два персональных дела: о приеме кандидата в члены ВКП(б) старшего лейтенанта Осипова и персональное дело начальника продовольственной службы. Начальник проворовался по-крупному, продолжая выписывать продовольствие на уже убитых бойцов и сбывая продукты рыночным спекулянтам. Дело дошло до Особого отдела округа и отчетливо пахло трибуналом. А как можно отправлять на скамью подсудимых коммуниста?! Коммунисты у нас неподсудны. До тех пор, пока они – коммунисты. Поэтому действие это было скорее процессуальное, чем внутрипартийное. Партия ритуально избавлялась от перерожденца, и чтобы скорее вверить судьбу продовольственного начальника ежовым рукавицам ОГПУ, необходимо было отобрать у него партбилет.

За оба вопроса голосовали единогласно, без воздержавшихся. За то, чтобы принять Осипова Н.Ф. кандидатом в члены ВКП(б), и за то, чтобы исключить из рядов партии большевиков ворюгу в военной форме. Всем присутствующим судьба обоих партийцев – бывшего и будущего – была примерно ясна. Спекулянту высвечивался длительный срок, и хорошо еще, если не расстреляют, а Осипов круто пойдет вверх как новый выдвиженец. Ведь все коммунисты еще помнили, как они готовились к последнему штурму и одевались во все чистое. И помнили, что именно Осипов добыл сведения, спасшие остатки дивизии.

XII

Весной 1940 года произошло событие, резко крутанувшее маховик войны. Война, имевшая место быть до этого времени, еще не была, собственно, мировой.
8 апреля 1940 года английский и французский посланники посетили МИД Норвегии и вручили норвежскому правительству ноту более чем странного содержания. В этой ноте правительства союзных держав в категорическом и безапелляционном тоне требовали от Норвегии прекратить поставки руды в Германию. В частности, в ней было заявлено, что правительства Великобритании и Франции «оставляют за собой право предпринять любые меры, какие они найдут необходимыми, для того чтобы воспрепятствовать или не дать возможности Германии получать нужные ей материалы из Норвегии». Сами материалы, поставляемые в Германию, объявлялись контрабандным товаром. В случае невыполнения требований, изложенных в ноте, в течение сорока восьми часов союзные державы намеревались минировать территориальные воды Норвегии в трех районах, а также выставить эскадру для патрулирования.

Эта нота выглядит особенно нелепой и дикой еще и потому, что адресовалась она правительству государства, в состоянии войны не находящегося. Из Норвегии руда шла как в Германию, так и в Англию. Поставок этих Норвегия прекращать не собиралась, и о своем намерении вступить в войну на стороне Центрального блока не сообщала. Нота была составлена в заведомо нестерпимом тоне, особенно если учесть, что направлена она была против нейтрального и суверенного государства. Угрозу минирования норвежских территориальных вод можно было понимать только в качестве декларации о намерении захватить Норвегию в самом обозримом будущем.

Германия не могла упустить этот канал поставок, так как тогда само дальнейшее существование Рейха делалось весьма проблематичным. Восполнить поставки руды было нечем.

Гитлер отреагировал молниеносно. 9 апреля началась масштабная десантная операция немецких войск в Норвегии. В этот же день вермахт перешел границу Дании и оккупировал ее. В этот же день в Норвегии было создано новое правительство во главе с Видкуном Квислингом.

К вечеру на Лондонской бирже царила паника. Валюта и ценные бумаги Дании и Норвегии выбыли из оборота. Ценные бумаги, эмитированные правительством Великобритании, резко упали в цене. Качнулся курс фунта стерлингов. Биржа рухнула.

С этого дня война стала по-настоящему мировой и пошла по нарастающей. Причиной этому – неуклюжая и самонадеянная политика британского кабинета. Понятно, что Франция теперь была обречена, она едва ли не единственная на европейском континенте поддерживала английскую политику и оставалась союзником Великобритании. Та легкость, с которой были достигнуты военные успехи в Норвегии и Дании, а главное, предотвращена попытка английского вторжения в Норвегию, лишь ускорила развязку. Через месяц, 10 мая 1940 года, Германия начала военные действия против англо-франко-голландских войск. Еще через месяц, 17 июня, дело было сделано. Французское правительство, видя неизбежность капитуляции, попросило Германию о перемирии. Еще через месяц Франция капитулировала. Но все это будет летом, а пока…

«Берлин (10 апреля). К концу сегодняшнего дня все норвежские базы военного значения твердо удерживаются германскими войсками. В частности, Нарвик, Тронхейм, Берген, Ставангер, Кристианзанд и Осло заняты сильными германскими войсковыми частями. Сопротивление норвежских войск там, где оно имело место, как, например, около Осло и Кристианзанда, сломлено.

Германская авиация, действуя частично уже из норвежских авиационных баз, нанесла вчера вечером серьезные потери англо-французской эскадре около Бергена…

Новые германские войсковые части, не встречая сопротивления, быстро продвигаются сейчас в Дании и Норвегии согласно плану».

«Правда», 11 апреля 1940 г.

XIII

И вот – Москва! «Как много в этом звуке!..»

Сарафанов и Осипов прибыли в столицу в вагоне первого класса, в котором между Москвой и Питером разъезжали партийные функционеры, крупные хозяйственники, народные артисты и иностранные дипломаты. На площади трех вокзалов их ждала машина, специально присланная за ними. И не какая-нибудь эмка, а черный лакированный ЗИС с правительственными номерами. Возле ЗИСа их ожидал подтянутый капитан в общевойсковой форме. При их появлении он отдал честь и представился:

– Товарищ полковник, капитан Штольц. Откомандирован в ваше распоряжение.

Услышав фамилию, Сарафанов поморщился, хотел было спросить встречающего, уж не из немцев ли тот. Но большие темные глаза капитана смотрели на полковника с такой вселенской грустью, а нос был такой характерной формы, что не оставалось никаких сомнений в том, что их гид принадлежит к совсем другому национальному меньшинству.

И он спросил только:

– Какая у нас программа?

– Сейчас размещение в гостинице, обед, затем короткий отдых, а вечером осмотр столицы. Завтра вас ждут в Кремле.

Коля ехал в машине, откинувшись на подушки заднего сиденья, и гордился. Гордился собой. Он, простой крестьянский парень из мордовского захолустья, еще четыре года назад крутивший коровам хвосты, сейчас едет на шикарной

машине, на которой, наверное, только наркомы и ездят. Гордился своей страной. Только в этой стране возможны такие повороты судеб. Разве при старом режиме повезли бы его как министра? А в нашей советской стране все дороги открыты, и вчерашняя кухарка может управлять государством. Ну а он все-таки старший лейтенант. А завтра в Кремле орден вручать ему будет сам Калинин. Может быть, даже Сталин придет посмотреть на новых героев.

Тем временем они подъехали к гостинице «Москва».

Вот оно – счастье. Вот – Кремлевская стена. Вот – Музей Революции и Красная площадь. Вот – Александровский сад. Вот он – Манеж. Знаменитая улица Горького берет свое начало отсюда. Самое сердце Родины.

Выйдя из машины, Коля немного замешкался возле входа в гостиницу, пытаясь поверх зубцов Кремлевской стены рассмотреть и угадать, за каким окном работает и не спит ночей товарищ Сталин. Капитан был вежлив, но настойчив. Пришлось зайти внутрь, и Коля тут же оторопел от роскоши.

Просторное фойе. Бородатые важные швейцары с золотыми галунами. Огромный, по его представлениям, четырехкомнатный номер с роялем и видом на Манежную площадь с шестого этажа. Первый раз в жизни Коля проехался на лифте, и ему понравилось. Нет! Это сон или сказка?

Полковник Сарафанов сбросил военную форму и отправился в душ, будто каждый свой приезд в Москву останавливался именно в таких номерах. Коля распахнул окно и с жадностью провинциала стал разглядывать столицу. Подошел Штольц и встал рядом.

– Нравится? – спросил он у Коли.

– Очень, – кивнул тот.

Все Колины знания о Москве сводились к одной открытке, приклеенной к внутренней стороне крышки его чемодана. На ней были изображены Спасская башня, угол Мавзолея и фигуры Минина и Пожарского.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите вопрос?

Коля оторопел. Капитан обращался к нему как к старшему по званию.

– Да-да, пожалуйста.

– А за что, интересуюсь я спросить, у вас орден?

Коля собрался было ответить, что за пойманного финского снайпера, и даже хотел рассказать подробно, как он его сумел поймать, но вспомнил четырех своих связистов, которых перед этим отправил на смерть, вспомнил, как дивизия готовилась идти под пулеметы, и сжал губы.

– За службу.

– Виноват, извините. Вопросов больше не имею.

Вышел полковник Сарафанов. Посвежевший после душа, он расчесывал влажные волосы.

– Ну, товарищ капитан, куда пойдем обедать? – спросил он Штольца, продувая расческу.

– В ресторан, товарищ полковник. Для вас зарезервирован столик.

Товарищи офицеры спустились в ресторан, который совершенно оглушил и прибил Кольку своими размерами, расписными потолками и лепниной. Важный официант в накрахмаленной белоснежной сорочке с черной шелковой бабочкой усадил их за столик в углу напротив окна возле эстрады.

Коля знал, что такое «меню». В командирской столовой возле раздачи висел тетрадный листок в клеточку с названиями блюд, выведенными химическим карандашом. Но сейчас официант положил на стол большую книгу в красной кожаной папке с тисненными золотом буквами с таким видом, будто клал документы на подпись наркому. Коля, боясь запачкать листы лощеной бумаги, стал аккуратно перелистывать меню, насчитал двадцать семь сортов водки и шестнадцать – коньяка и в нерешительности отодвинул книгу ближе к Сарафанову, предоставляя возможность выбора старшему по званию. Полковник, похоже, тоже несколько растерялся и передал книгу капитану.

Официант нависал над столиком всем своим авторитетом, до хруста накрахмаленный, важный и безразличный к причудам клиентов.

Капитан, не раскрывая меню, заказал три мясных салата, три селянки грибных сборных, котлеты по-киевски, графин сельтерской и, с молчаливого согласия сотрапезников, бутылку «Столичной» двойной очистки.

Коля посмотрел на Сарафанова, Сарафанов на капитана. Капитан налил всем водки.

– Ну, за приезд, – поднял тост полковник и лихо опрокинул рюмку. Налили по второй, после которой Коля осмелел.

– Смотрите, товарищ полковник, смотрите, – тыкал он вилкой в противоположный конец зала. – Артист Жаров.

И чуть попозже:

– Товарищ полковник, товарищ полковник, смотрите!.. Утесов, Ладынина.

Ресторан жил своей жизнью, на них решительно никто, кроме официанта, не обращал внимания. Люди зашли пообедать и еще не решили для себя, отправятся ли они потом работать дальше, или обед плавно перерастет в вечернюю пьянку. Оркестра на месте не было, только одинокий тапер наигрывал на рояле небыструю мелодию. В сопровождении седоволосого мужчины в ресторан вошла хрупкая блондинка лет тридцати пяти. Мужчина заботливо поддерживал ее за локоток.

– Товарищ полковник, – подавился котлетой захмелевший Коля. – Там, там! – Он показывал на блондинку, будто увидел привидение или Богородицу. – Там! Она! Сама!

Капитан посмотрел на блондинку, потом со снисходительной улыбкой перевел взгляд на Колю.

– Любовь Орлова, – пояснил он полковнику.

– Не может быть! В кино она совсем другая.

– Она, она, – подтвердил капитан, – Любовь Петровна собственной персоной.

Сарафанов отодвинулся на стуле, встал из-за стола, набрал в грудь побольше воздуха и, стараясь держать спину прямо, двинулся к знаменитой актрисе.

– Товарищ Орлова! – гаркнул полковник. – Как красный командир!.. От имени всей нашей дивизии!.. Считаю своим долгом!..

– Гриша, вы – жопа, – народная любимица повернулась к своему спутнику, не удостоив Сарафанова взглядом. – Я же вам говорила, что обедать лучше в «Метрополе».

Она развернулась, и ее каблучки поцокали в сторону выхода. Немолодой уже Гриша грустно посмотрел на Сарафанова, будто желая сказать: «Ну что вы наделали?! Ну зачем же вы так?!» – и бросился догонять Орлову.

Обескураженный полковник вернулся за свой столик, долил остатки водки в фужер и залпом выпил.

Обед офицеры доедали, не поднимая глаз от стола.

После обеда они решили немного проветриться, посмотреть Москву. К подъезду подкатил ЗИС. Все трое сели в машину и покатили по улице Горького.

Чем сегодня еще можно было удивить Кольку? Он только что видел народных артистов, которых любила вся страна. Мог запросто подойти и пожать руку каждому. А тут – какая-то Москва…

Следующий день был продолжением сказки. В восемь утра в гостиницу явился Штольц и напомнил, что сегодня в двенадцать часов в Кремле им предстоит получить ордена из рук всесоюзного старосты. До Кремля было пять минут ходу неторопливым шагом, но Сарафанов и Осипов уже к десяти часам были побриты, причесаны, одеты во все новое, тщательно отутюженное. Боясь помять форму и нарушить стрелки на галифе, оба не решались сесть и мерили шагами гостиничный номер, пытаясь убить время. Наконец в одиннадцать Штольц

сказал: «Пора», и они спустились вниз. В сторону Спасских ворот с Манежной площади, от ГУМа, из Александровского сада, от Васильевского спуска – отовсюду к Кремлю группами сходились празднично одетые люди. Через час в Большом Кремлевском дворце должен был начаться грандиозный спектакль в двух актах. Первый – награждение лучших людей Страны Советов, второй – концерт мастеров искусств в их честь. Освещать событие должны были более сотни журналистов. В сопровождении своих начальников и «прикомандированных» в Кремль стекались знатные шахтеры и оленеводы, передовые доярки и ткачихи, свинарки и пастухи. Стесняясь своей простоты, вышагивали продолжатели славного почина Алексея Стаханова и последовательницы Паши Ангелиной, заменившие за рычагами тракторов своих мужей и братьев, призванных прошлой осенью в бронетанковые войска.

В арке башни четверо сотрудников комендатуры Кремля в форме НКВД потребовали документы. Штольц предъявил временный пофамильный пропуск на трех человек: Сарафанова, Осипова и прикомандированного Штольца. Энкавэдэшники тщательно проверили его, ознакомились с личными документами всех троих и козырнули:

– Проходите, товарищи.

Весь имперский блеск, все державное величие дворца давили на Колю, когда он шел по анфиладе роскошных помещений. Даже всегда уверенный в себе Сарафанов несколько стушевался и стих. Они-то думали, что раз их так шикарно встретили на вокзале, то Калинин будет награждать только их двоих. Ну еще, может, человек пять. А тут!.. Им и в голову не приходило, что такой прием – с авто, рестораном, гостиницей и сопровождающим – можно устроить для сотни орденоносцев.

Штольц показал им места в первых рядах, сам удалился на задние, куда отсеялись и остальные прикомандированные в военном и штатском, призванные изображать зрителей для газетных фотографий. Дальше Коля был немного разочарован. Их награждали не в числе первых, а ближе к концу. Козлобородый и невзрачный старичок Калинин слегка встряхнул Колькину руку двумя своими, вручил маленькую бордовую коробочку с орденом, сказал пару-тройку слов поздравления и… все. Нет, правда, Коле хлопали так же, как и он хлопал другим. Но небеса не разверзлись, глас трубный не прозвучал, и Коле показалось, что сам момент вручения награды прошел как-то буднично и по-рабочему. Калинин вручал награды – будто номер отбывал.

Между первым и вторым актом спектакля по сценарию сделали сорокаминутный перерыв. Пока в зале шла раздача орденов, в фойе второго этажа был накрыт длинный стол а-ля фуршет. Может быть, именно тогда и родилась легенда о знаменитых цековских буфетах, потому что к столу действительно не стыдно было пригласить гостей. Чтобы в своем повествовании не сбиться в стиль поваренной книги, опущу описание напитков и закусок. Для любопытных отмечу, что водки не было. Были хорошие марочные вина и коньяки, ситро и соки – кому что по вкусу. Икра стояла не в кадках, а была намазана на бутерброды. Расстегаи, пироги с визигой, мясные нарезки, фрукты – словом, все то изобилие, которое напрочь отсутствовало на прилавках в период с 1917 по 1991 год.

Народ вышел проветриться, прогуливался мимо столов, но подходить и брать что-либо стеснялся, дескать, в нашей деревне, кишлаке, ауле, поселке, тундре такого добра завались с верхом. Наконец самая отважная свинарка не выдержала и, желая вкусить от барской жизни, ухватила со стола бутерброд с зернистой икрой и стала прогуливаться уже с ним, отхватывая от него куски, будто бы в полной рассеянности. За ней к столу подошла полевод, потом трактористка, за ней знатный шахтер, а через минуту вокруг угощений гудел орденоносный улей, а какой-то чабан уже наливал свинарке хванчкару, предлагая выпить за знакомство.

Сглатывая слюну, Коля смотрел на стол и облепивших его орденоносцев, но подойти и попробовать хоть кусочек не решался. Ведь рядом стоял старший по званию, да и гордость не позволяла.

– Ну что же вы, товарищи, – воскликнул Штольц. – Там сейчас все без нас подметут! – И бросился за своей долей праздника.

Коля и Сарафанов проводили его взглядом, но с места не тронулись.

– Сарафанов! – окликнул вдруг кто-то полковника справа. – Алексей Романыч!

К ним подошел коренастый лысый мужчина лет сорока пяти в цивильном пиджаке. Сегодня Калинин вручил ему орден Ленина.

– Филипп Ильич? – Сарафанов вглядывался в подошедшего мужчину.

– Лешка!

– Филя!

Седой Лешка и лысый Филя обнялись, похлопывая друг друга по могутным спинам.

– Лешка, черт! Ты какими судьбами здесь?

– Мне орден вручали.

– И мне – орден. А я сижу, слышу знакомую фамилию, думаю, ты – не ты? Сколько же мы не виделись?

– Да лет восемь, пожалуй.

– Больше! Одиннадцать. Мы же с тобой в двадцать девятом курсы «Выстрел» кончали. Помнишь?

– Ну как же! Слушай, надо бы отметить встречу, – предложил Сарафанов. – И ордена заодно обмоем.

– Извини, сегодня не могу.

– Почему? Завтра же праздник?

– Служба такая. Кому праздник, а у меня завтра самый сенокос. Освобожусь не раньше четвертого.

– Ну, после службы заходи. Мы остановились…

– Я знаю.

– Черт! Откуда?

– Я же сказал, служба такая. Вот что, мужики, сдается мне, что ваш капитан форму для маскарада надел, а сам по другому ведомству служит. Уж больно рожа его мне знакомая. Может нехорошо получиться, если он меня с вами увидит. Я с Лаврентием Палычем ссориться не хочу, а вам с ним встречаться и вовсе ни к чему. Поступим вот как: завтра приходите на демонстрацию. Пропуска на трибуну вам принесут в номер. Все, мужики, я пошел, – он протянул руку, Сарафанов пожал ее на прощанье.

Мимо проходил какой-то комкор, дородный и важный.

– Степаныч, – окликнул его Филипп Ильич. – Иди-ка сюда, у меня к тебе дело есть.

Вместе с комкором он удалился, не привлекая к себе ничьего внимания.

XIV

Наступило Первое мая 1940 года.

Коля и Сарафанов проснулись ни свет ни заря и в десятый раз разглаживали форму и поправляли врученные накануне ордена. Накануне они даже не стали буйно обмывать награды, ограничившись бутылкой сухого вина и решив оставить этот вопрос до возвращения в дивизию. Из окна гостиницы было видно, как в сторону Красной площади идут толпы веселых, нарядно одетых людей. Около десяти часов промаршировали батальонные колонны войск, которым предстояло пройти на сегодняшнем параде. В начале одиннадцатого Коля и Сарафанов, потеряв терпение, вышли из гостиницы и направились на площадь занимать места. Справа и слева от Мавзолея построили две огромные трибуны для почетных гостей. Перед ними растянулась цепочка милиционеров в белых парадных гимнастерках и остроконечных шлемах. Коля вслед за Сарафановым прошел на левую трибуну, и они заняли места в третьем ряду с края, возле самого Мавзолея.

Коля осмотрелся вокруг себя, и у него перехватило дух. Вокруг него стояли люди, которых знала и которыми гордилась вся страна. Это были выдающиеся

ученые, знаменитые артисты, крупные руководители, мужественные полярники, знатные полеводы и хлопкоробы, передовики производства – последователи Паши Ангелиной и Алексея Стаханова. Коля почувствовал себя не в своей тарелке. Ровно четыре года тому назад, день в день, лежал он на лугу, подстелив плащ дяди Коли и глядя в облака, и вокруг него жевали траву колхозные коровы. Всего четыре года прошло, и вот он, Коля Осипов, стоит тут, возле Мавзолея, на одной трибуне с лучшими людьми страны, а с его груди пускает солнечные зайчики бордовый орден. Пожалуй, впервые Коля задумался над тем, как он повзрослел за эти четыре года.

Коля стал разглядывать площадь. ГУМ, Кремлевская стена и музей были украшены ярким кумачом. Напротив трибун, от памятника Минину и Пожарскому до музея, стояли стройные ряды красноармейцев и краснофлотцев. За ними, возле самого ГУМа, располагались несколько тысяч зрителей, преимущественно в белых рубашках и платьях. У всех было праздничное, приподнятое настроение. Над площадью стоял ровный гул тысяч голосов, негромко переговаривающихся между собой людей. Коля перевел взгляд влево. На брусчатке перед Мавзолеем стояли человек десять военных, двое из которых были в морской форме, – высший командный состав РККА и РККФ. Коля потянул Сарафанова за рукав, показывая в ту сторону:

– Товарищ полковник, смотрите.

Сверкая эмалью орденов, поглаживал свои знаменитые усы Буденный. Возле него стояли Кулик и Мехлис. Чуть поодаль командарм первого ранга Шапошников о чем-то разговаривал с флагманом флота второго ранга Кузнецовым.

Коля рассматривал эту группу военных во все глаза. Вот она – живая легенда! Как близко! Только руку протяни. Во всех школьных учебниках были портреты Семена Михайловича Буденного. Про геройские подвиги Первой конной слагали песни и снимали фильмы. А слова «буденовка», «Ворошиловский стрелок» ежедневно напоминали о славном прошлом доблестной Красной армии и ее легендарных полководцах – Буденном и Ворошилове. Это они рубили в капусту беляков, это они штурмовали Перекоп и форсировали Сиваш. Эх! Ну почему Колька не родился раньше?!

Его отвлек какой-то незнакомый мужчина, который встал на трибуне рядом с ним и всеми силами старался привлечь его внимание. Мужчина был высокий,

черноволосый, в праздничной белой рубашке, заправленной в светлые брюки. На верхней губе темнели щегольские усики «в нитку», южные маслянистые глаза смотрели внимательно и нетерпеливо.

– Вам чего? – простодушно спросил его Коля.

– Разрешите представиться, Константин Симонян, – отрекомендовал себя мужчина. – Сотрудник «Литературной газеты». Товарищ старший лейтенант, вы, я вижу, воевали на Карельском перешейке. Нашим читателям будет интересно и полезно узнать, что называется, из первых рук, о героических подвигах, которые совершали доблестные красные воины на фронте борьбы с белофиннами.

– Ну?.. – опять спросил Коля, не понимая, при чем здесь он.

– Не могли бы вы рассказать, например, за что получили этот орден, – Симонян показал на орден Красной Звезды. – Вот лично вы, какой подвиг совершили?

Коля снова, как и вчера, вспомнил минувшую зиму, вспомнил, как полз по голому полю, на котором «кукушка», засевший в лесу, убил четверых его подчиненных. Так разве это подвиг – посылать подчиненных на смерть? Коля нахмурился.

Подумав, что старший лейтенант стесняется своего начальника, настырный Симонян обратился к Сарафанову:

– Товарищ полковник…

– Иди на хрен, – отрезал Сарафанов. – Сталин идет.

И в самом деле вдруг все стихло. Многие тысячи людей, собравшихся сейчас на площади, разом перестали говорить и повернули головы в сторону Мавзолея. Наступила такая пронзительная тишина, что было слышно, как в небе резвятся легкомысленные стрижи.

Из дверей Мавзолея показался Сталин. Он, улыбаясь, подошел к военным, поздоровался с Шапошниковым, Буденным, потом и со всеми остальными военачальниками. Следом за ним вышли люди, которых чаще привыкли видеть на портретах: Калинин, Булганин, Вышинский, Ярославский, Молотов, Каганович,

Маленков, Микоян, Берия. Они тоже подошли и поздоровались с военными. После обмена рукопожатиями все стали подниматься на Мавзолей. Военные остались на площадке первого пролета справа от дверей, а руководители партии и государства прошли на верхнюю трибуну. Поднявшись, Сталин подошел к правому краю трибуны и помахал рукой людям, толпившимся у ГУМа, и отдельно – стоящим на трибуне возле Кремлевской стены. Площадь взорвалась приветственными криками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/semenov_andrey/inoe-reshenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити